

**СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени К.Л. ХЕТАГУРОВА**

На правах рукописи

Лысенко Николай Николаевич

**ЭТНОГЕНЕЗ И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
ИРАНСКИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ
В ПЕРИОД II В. ДО Н.Э. – II В. Н.Э.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Владикавказ – 2007

Работа выполнена на кафедре Российской истории и кавказоведения
Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова

Научный консультант: доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки России
Блиев Марк Максимович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Ковалевская Вера Борисовна

доктор исторических наук
Туаллагов Алан Ахсарович

доктор исторических наук
Дзаттиаты Руслан Георгиевич

Ведущая организация: Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина

Защита состоится **«27» марта 2007 г.** в **11.00** часов на заседании диссертационного совета Д. 212.248.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова по адресу: *362025, Владикавказ, ул. Ватутина, 46.*

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова

Автореферат разослан «___» _____ 2007г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

А.Б. Хозиев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

История сарматов и алан – ираноязычных кочевников – тесно связана не только с южными регионами России, с Западной Европой и севером Африки, но и с историей народов, населявших в древности Иран и Малую Азию, а также безбрежные евразийские степи, дальние восточные рубежи Центральной Азии. Сформировавшись как этнические общности за пределами античной ойкумены, ранние аланские племена в начале I в. н.э. очень быстро занимают огромную территорию от Центральной Азии до Дуная. В Северном Причерноморье, вместе со своим передовым этническим массивом – роксоланами, аланы стали важнейшим и долговременным, почти пятисотлетним военно-политическим фактором. Исторические судьбы сармато-аланов явно не вмещаются в региональные (приаральские, приуральские, поволжские и т.п.) рамки истории обыкновенного кочевого племени. Только значительная удаленность аланской истории в глубь прошедших веков, а также чересчур малая нарративная база алановедения (не сравнимая, например, с источниковой письменной базой тюркологии) не позволяли долгое время в полной мере оценить глобальное значение сармато-аланского геополитического фантома для судеб Евразии.

Для российских ученых история алан – это часть фундаментальной проблемы исторической судьбы древнего иранства на территории нашей страны, постижение которой имеет первостепенное научное значение. Не менее важен и общемировой аспект аланской истории, поскольку интенсивная военно-политическая деятельность сарматов и алан во многом определяла не только облик, но также исторические судьбы многих народов и государств Древнего мира.

Степень изученности темы. Систематическое изучение истории аланов, а также их исторических предшественников – сарматов, началось в XIX столетии и продолжается уже в нынешнем XXI веке. За это время по сармато-аланской проблеме накоплено огромное количество научного материала, изучены, поняты и реконструированы многие узловые вехи поистине геополитической истории этих поздних иранских кочевников Великой Степи.

Результатом устойчивого научного интереса к сармато-аланской проблематике стало появление ряда фундаментальных исследований по ключевым аспектам алановедения, прежде всего – в области археологии. В этих трудах отечественных ученых методами археологической науки были даны убедительные ответы на ряд важнейших вопросов как политической, так и социальной истории сармато-аланов разных регионов Восточной Европы [Виноградов.1963; Мошкова.1974; Смирнов.1984; Керевов.1988; Скрипкин.1990; Медведев.1990; Симоненко, Лобай. 1991; Абрамова.1993; Максименко.1998; Сергацков.2000; Дзиговский.2003].

В области восточноиранского кочевниковедения немало сделано и зарубежной наукой. Без исследований К. Йеттмара [1985], Д. Мэллори [1995], Э. Пулблиленка [1996], В. Майера [1995], Е. Хедингхема [1994], Х. Бейли [1970],

Ван Биньхуа [1987] и Хань Кансиня [1994] трудно было бы надеяться на какой-либо успех в изучении процесса становления и последующего развития сармато-аланского феномена.

Известное число научных работ было подготовлено историками на основе комплексного анализа нарративных источников древности. В ряду наиболее заметных исследований, имеющих отношение к ранним аланам, следует упомянуть источниковедческие исследования Ю.С. Гаглойти [1966] и М.В. Скржинской [1977], цикл статей Д.А. Мачинского [1971; 1974], обобщающие монографии Т.А. Габуева [1999] и Ф.Х. Гутнова [2001].

Вместе с тем, как неоднократно подчеркивалось, существует опасение, что исторические обобщения, основанные на анализе только одного из видов источников, археологических или письменных, неизбежно чреваты односторонними или поверхностными выводами [Скрипкин.2001.С.25-26; Медведев.2002.С.154-156]. Как справедливо отметил в одной из своих работ А.А. Туаллагов, в силу специфичности, фрагментарности и ограниченности различных по характеру источников невозможно абсолютизировать или придавать исключительное значение одному из них. Историческая наука является наукой комплексной, а следовательно, должна опираться на достижения во всех областях существующих исторических дисциплин [Туаллагов.2001.С.4]. Сегодня представляется уже бесспорным, что без привлечения путем синтеза всей имеющейся исторической информации невозможно максимально полно и объективно реконструировать историю сармато-аланов во всем ее многообразии.

Актуальность избранной темы исследования. Несмотря на то, что вопросы этносоциальной истории ираноязычных племен привлекали и привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных ученых, в целом в алановедении накопилось довольно много нерешенных проблем. Как отмечают исследователи, далеко до единства взглядов даже по ключевому вопросу – является ли термин «аланы» этническим или надэтническим, социальным? [Гутнов.2001.С.7; Симоненко. 2003. С.56]. Полярны и, зачастую, противоречивы научные подходы к поиску прародины алан, слишком разнятся оценки уровня развития общественного строя ранних алан, неясны экономические факторы и политические механизмы, повлиявшие на эволюцию социальных отношений в аланской этнической среде [Кодзаев.2002.С.3]. Столь же много вопросов вызывает и феномен сармато-аланской военной экспансии, особенно раннего периода истории аланов, который хотя и изучался многими исследователями, но всегда в привязке к конкретным регионально ограниченными территориям и в подавляющем большинстве случаев по отношению к какому-то одному сармато-аланскому племени. Следует подчеркнуть также, что обобщения материалов по военно-политическому фактору сармато-аланской экспансии в едином евразийском масштабе – т.е. и в Азии и в Европе – не проводилось вообще, а имеющиеся наработки по данной проблематике имеют не специализированный, но скорее ситуационный, обзорный характер. Это «отставание» историографического осмысления аланского военно-политического феномена представляется тем более досадным, поскольку в

настоящее время в научный оборот уже введены несколько обстоятельных, обобщающих работ по военно-прикладной тематике, связанной с вооружением сармато-аланов [Зубарь, Симоненко. 1984; Сланов.2000; Хазанов.1971].

Методы исследования. Автор настоящего диссертационного исследования положил в основу своей работы полидисциплинарный принцип, предполагающий сравнительный анализ различных по характеру источников и современных научных разработок при их взаимной корректировке на основании традиционных методик отечественной исторической науки. Подобный концептуальный подход предполагает широкую источниковую базу исследования: нарративные, археологические, антропологические и эпиграфические группы памятников, введенные в научный оборот. Как одно из главных средств постижения сложных вопросов этнического происхождения и ранней военно-политической истории сармато-аланов в настоящей работе широко используется междисциплинарный синтез.

Важно специально подчеркнуть, что представленное диссертационное исследование подготовлено на основе комплексного изучения рассматриваемой проблематики, в соответствии с традиционными методическими принципами исторического познания, сравнительно-историческим анализом, хронологической и типологической классификацией материалов. Выдвигая и обосновывая собственные концептуальные положения и гипотезы, автор старался привлечь максимально возможное число нарративных источников, приводил и сопоставлял сведения разных исторических дисциплин, прежде всего – источниковедения, археологии и антропологии. Историческая наука, а в особенности ее археологическая составляющая не стоят на месте: трудами исследователей и различных научных учреждений обеспечивается постоянный приток новых исторических сведений и археологических материалов. Именно поэтому по ряду наиболее сложных проблем автор старался объективно оценить генезис исторической мысли, показывая и анализируя часто взаимоисключающие гипотезы отечественных и зарубежных исследователей.

Цель настоящего исследования – показать феномен этнического становления и последующей военно-политической экспансии сармато-аланов как в Азии, так и в Европе, рассматривая при этом ранние аланские племена (термин предложен А. Алеманем) – асиан (усуней), языгов, роксоланов и аорсов – в качестве политически самостоятельных субэтносов складывающегося на евразийском пространстве единого аланского этноса. Понятно, что при таком концептуальном подходе сама история аланов осознается как последовательный и целостный процесс становления, развития и конечной аннигиляции конкретного этноса. Соответственно намеченной цели определен круг задач и наиболее важные аспекты изучаемой проблематики:

- историографический анализ предпринятых в алановедении историко-этнологических обобщений;
- реконструкция процесса этнического формирования асиан (усуней) – генетического ядра будущего аланского этноса, который неотделим от глобальных процессов этнического антропогенеза и замещения одних

народов другими в обширном географическом ареале восточной части Центральной Азии;

- хронология и направление миграционных волн, в которых участвовали различные субэтноты сармато-аланов во II в. до н.э. – II в. н.э.;
- последовательное описание и оценка основных военно-политических событий в Евразии, которые имели определяющее значение для аланского этноса в раннюю фазу его этногенеза;
- этносоциальный механизм появления стратегически важных военно-политических новаций сармато-аланов.

Научная новизна представленной диссертационной работы во многом определяется методологической спецификой исследования, основанного на междисциплинарном синтезе. Историография алановедения свидетельствует, что подавляющее большинство исследований по различным этнополитическим проблемам ранних аланов в основном строятся на двух источниковых платформах: либо на анализе и последующей интерпретации археологического материала, либо на изучении письменных источников в древности. При этом анализ антропологических материалов всегда составляет отдельный предмет исследования, а полученные в результате выводы довольно редко применяются для построения научных концепций в комплексе с нарративными источниками и археологическими материалами. Предлагаемая диссертационная работа одна из немногих, где предпринимается попытка совместить выводы археологии и антропологии со сведениями, почерпнутыми из древних письменных источников. Среди последних особое значение имеет группа древнекитайских источников эпохи Хань, комплексный анализ которых является хотя и не единственным в своем роде, но все же достаточно редким методическим приемом, особенно по отношению к проблематике этнического становления и военной политики ранних аланов. Также впервые, применительно к этапу ранней аланской истории, изучены и систематизированы ключевые военно-политические аспекты взаимоотношений кочевого владения асиан-усуней, ханьского Китая и кочевой империи хуннов. Кроме того, имеет смысл говорить о новизне целей и задач настоящего исследования: реконструкция военно-политической истории ранних аланских племен впервые предпринята на основе представлений об их субэтничности в границах единой генетико-культурной общности. В предлагаемой работе также впервые для хронологически широкого этнополитического обобщения вводится и обосновывается новая таксономическая категория – «сармато-аланы». Этот термин выполняет, в нашем представлении, важную синтезирующую таксономическую функцию, позволяя обозначить все племена сарматского круга, которые являлись непосредственными предшественниками, а в последующем и современниками ранних аланов. В процессе решения поставленных задач получили новую трактовку некоторые важные темы современного алановедения: вопрос об участии племен асиан (усуней) и юэчжи в раннем этногенезе аланов; проблема этнополитического статуса аланской

кочевой империи Кангюй; вопрос о географической локализации страны Яньцай (Аланья, Аланьго); вопрос об этнической атрибуции сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н.э.; проблема военно-политических союзов сармато-аланских племен во II в. до н.э. Разумеется, в задачу представленной работы не входил пересказ всего известного материала по раннеаланской проблеме, но в рамках изучаемой темы внимание концентрировалось, главным образом, лишь на том, что представлялось нам наиболее информативным и новым. Следует подчеркнуть, что настоящее диссертационное исследование является первой попыткой комплексного изучения военной экспансии поздних иранских кочевников Великой Степи, причем как на востоке их суперэтнического ареала, так и на западе. Автор надеется, что ему удалось предложить ряд новых интерпретаций уже известных фактов военно-политической истории сарматов и алан, а также непротиворечиво обосновать свое концептуальное видение этнополитического становления всего сармато-аланского феномена в целом.

Источниковая база исследования. Источниковый корпус диссертации подразделяется на три группы. Во-первых, это нарративные источники древности: сочинения античных (греко-латинских), византийских, восточных (иранские и сирийские) авторов, а также китайские и закавказские (древнегрузинские и древнеармянские) летописи и хроники. Во-вторых, это археологические памятники: их истолкование в процессе исторического познания древности представляет собой фундаментальную основу современной исторической науки. В-третьих, это антропологические, эпиграфические и нумизматические материалы, изучение которых имеет подчас весьма важное значение для конкретных вопросов этнической истории сармато-аланов.

Географические границы нашего диссертационного исследования обозначаются так: на востоке – это меридиональная линия, проходящая через хребет Хангай, западную оконечность Гобийского Алтая и хребет Наньшань в районе пункта Чжанье. Приблизительно в этой части света границей исследования можно считать восточные рубежи Центральной Азии, неотъемлемой частью которой является Восточный Туркестан. На юге – широтная линия, проходящая от восточных отрогов хребта Наньшань через южную оконечность Каспия и отделяющая в зону исследования территорию Закавказья, север Ирана и Малую Азию. На севере – это условная линия по верхней границе лесостепи от верховьев рек Онона и Керулена (на востоке) до степей Среднедунайской низменности (на западе). Западной географической границей исследования станет меридиональная линия, проходящая через верховья реки Дунай и северное побережье Адриатического моря.

Хронологические рамки исследования, по мнению автора, необходимо определить следующим образом.

Нижняя граница: II в. до н.э., т.е. тот исторический период, когда на восточных рубежах Центральной Азии произошло глобальное столкновение тюркоязычных хуннов и тохароязычных юэчжи, вызвавшее, в числе прочих весомых факторов, значительную подвижку восточноиранских кочевых

племен на запад, что в свою очередь привело к политической гибели Греко-Бактрийское царство.

Верхняя граница: II в. н.э. – период установления полного военно-политического доминирования алан на всей территории Европейской и Азиатской Скифий, который сопровождался методичными попытками распространить зону военной интервенции на запад – за Дунай, и на юг – в Закавказье и далее, вплоть до Парфии и Каппадокии. В своей недавней монографии автору приходилось уже обосновывать вывод о том, что рубеж I-II вв. н.э. завершает ранний период этногенеза алан и знаменует переход к следующему – среднему периоду аланской истории [Лысенко.2002.С.30-31]. В сущности, определяя хронологические рамки исследования, мы берем за основу классическое определение хронологической протяженности сарматской эпохи для западного ареала евразийских степей, данное А.С. Скрипкиным, – со II в. до н.э. по III в. н.э. [1994.С.29].

Структура диссертации традиционна и определена поставленными автором задачами. Работа состоит из введения, шести разделов, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений. Основная содержательная часть исследования распределена следующим образом: Глава I «Историография алановедения и вопросы методологии»; Глава II «Усуни/асиане и завоевание Бактрийского царства»; Глава III «Аланы в этнополитической истории Средней Азии»; Глава IV «Сармато-аланское завоевание Великой Скифии»; Глава V «Аланские походы в Закавказье и Переднюю Азию I-II вв. н.э.»; Глава VI «Аланы и Рим: военно-политические аспекты этнических контактов».

Структура научно-библиографического аппарата диссертации. Ссылка на конкретное издание оформляется в автореферате и в основном тексте диссертации в виде краткого указания в квадратных скобках. Здесь приводится фамилия автора, год издания работы и соответствующая страница текста или нумерация примечания. Ознакомиться с полной расшифровкой ссылки можно в общем библиографическом списке, которым завершается диссертационное исследование. Диссертация снабжена иллюстративным приложением (картографические схемы), а также списком сокращений.

Основные положения диссертации апробированы на VIII Донской международной археологической конференции «Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа» (Ростов-на-Дону, 2002), научной конференции «Религия и современное общество» (Владикавказ, 2003), на XI международной научной конференции «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века» (Ростов-на-Дону, 2003), I Международной Нижневолжской археологической конференции «Проблемы археологии Нижнего Поволжья» (Волгоград, 2004). По теме диссертации опубликованы две монографии, вводный лекционный курс, ряд статей в научных периодических изданиях России.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется содержащимися в ней фактическими и оценочными данными по важнейшим аспектам этногенеза и военной истории сармато-аланских кочевни-

ков, которые могут быть использованы в качестве справочного материала, при чтении лекционных курсов, а также при подготовке исследовательских работ по широкому спектру научных проблем, связанных с древней историей Евразии. Некоторые выводы диссертации (например, связанные с местоположением древней прародины аланов) представляют существенный интерес для практической археологии.

Завершая работу, автор выражает искреннюю признательность доктору исторических наук, профессору Волгоградского государственного университета А.С. Скрипкину за многочисленные практические советы и ценные консультации, без которых успешно завершить данную диссертацию было бы невозможно. Нередко, при осмыслении некоторых важных аспектов иранской лингвистики, имеющих отношение к аланской проблеме, мне приходилось обращаться за советом к доктору исторических наук, профессору Северо-Осетинского государственного университета Р.С. Бзарову, который любезно оказывал мне самую широкую консультативную помощь. Также приношу свою благодарность Н.Е. Берлизову, А.В. Пьянкову, Ф.Х. Гутнову, А.А. Цуциеву, М.Е. Филимоновой, Н.В. Кучумовой, И.И. Перцевой за их помощь в решении конкретных задач, которые ставил перед собой автор в процессе сбора материала и подготовки настоящего исследования. Предлагаемое диссертационное исследование, надеемся, найдет свое место в ряду научных разработок по военно-политической истории сармато-аланских племен древней Евразии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная значимость темы исследования, определяются цели и научная новизна работы, а также конкретизируются наиболее важные аспекты проблемы, связанные с дальнейшим исследованием.

Глава I. Историография алановедения и вопросы методологии.

Данная глава диссертации традиционна по своей структуре и посвящена обзору историографии (§1. Историография алановедения: этапы историко-этнологических обобщений), анализу состояния источников (§2. Источники), а также конкретизации методико-терминологической системы настоящего диссертационного исследования (§3. Вопросы методики исторического познания).

В процессе работы над диссертацией нам пришлось столкнуться со сложной междисциплинарной проблемой сопоставления данных письменных и археологических источников. Поэтому представляется целесообразным вновь обозначить ряд обязательных методических приемов и условий, выполнение которых, на наш взгляд, совершенно необходимо для продуктивного сопоставления данных различных категорий источников по этногенезу и ранней этнической истории алан. Полагаем нелишним отметить также, что все нижеперечисленные обязательные принципы для выполнения комплексной этнологической реконструкции сведены в единую систему А.П. Медве-

девым [2002. С.155-156]. Мы позволили себе лишь несколько упростить и консолидировать ее отдельные положения.

I. Весь процесс историко-этнологического исследования должен строиться на учете специфики каждого из привлекаемых видов источников, поскольку именно она во многом определяет качество (достоверность) содержащейся в источниках информации о древних народах. В этой связи недопустимо прямое заимствование этнической номенклатуры или отдельных, вырванных из контекста сообщений нарративной традиции о древнем этносе без всестороннего изучения степени его достоверности и сферы исторического бытования.

II. Междисциплинарному синтезу должен предшествовать внутриотраслевой анализ каждого вида источников, а также основанных на нем реконструкций. При этом сопоставлению должны подлежать не просто археологические данные и сведения, взятые из письменных источников, но обязательно – конечные результаты независимого изучения первых и вторых.

III. Изучение и оценка «изоморфных точек» [Клейн. 1988. С.17,22] – информации об одних и тех же событиях этнокультурной истории в разных группах источников, переданной специфическим для каждого из них способом.

IV. Сопоставительное этнологическое исследование с максимальным расширением поля научного поиска. Этнос – категория сравнительная, поэтому понять подлинное этническое своеобразие определенной группы людей можно также и путем сопоставления ее этнонима, языка, духовной и материальной сферы с аналогичными аспектами этнической культуры других групп.

V. Новая историко-этнологическая реконструкция имеет право на существование, если она охватывает в единой непротиворечивой системе максимально большое число эмпирических фактов, добытых в результате анализа разных источников. Необходимо стремиться к тому, чтобы результатом междисциплинарного синтеза становилась не только более перспективная гипотеза, но в идеале – новое знание, которое, разумеется, невозможно было бы получить при монодисциплинарном подходе к изучаемой научной проблеме.

Глава II. Усуни/асиане и завоевание Бактрийского царства.

§1. Военное противоборство юэчжи и хуннов – важнейший этнополитический катализатор массовых миграций восточноиранских кочевников II в. до н.э. на территорию Турана. Сложный процесс взаимодействия разных народов, который является основой исторического развития, почти всегда многосоставен, причем конечное звено в цепи событий зачастую отстоит на многие сотни, даже тысячи километров от точки приложения первоначального этнического импульса, и почти всегда не совпадает с ним в хронологическом отношении. Сегодня, вероятно, уже достигнут научный консенсус по вопросу о первичном этническом толчке, сдвинувшем по принципу «этнического домино» весь племенной спектр кочевников Евразии. В восточной части Центральной Азии на рубеже III-II вв. до н.э. хунны создают мощную кочевую державу, наносят военное поражение юэчжи и начинают распространять свое влияние на запад [Скрипкин. 1994. С.30-31]. Экспансио-

нистская активность хуннов стала своего рода геополитическим катализатором, запустившим процесс миграционной реакции от Джунгарии до Волги.

Здесь следует отметить, что античная традиция не знает ни этнонима *усунь*, ни этнонима *юэчжи*, которые, как хорошо показал в своей работе А.Н. Бернштам, являются своего рода китайской транскрипцией античного этнонима *асии* (усунь) и древнеиранского *тохар* (юэчжи) [Бернштам. 1947]. Почти к такому же выводу впоследствии пришел М.В. Крюков, считающий, что древняя форма этнонима усунь – «должна быть близка к *asuen*» [Крюков. 1988. С.233].

Усуни пришли к северным отрогам Алтынтага и западной части Наньшаня значительно позже предков юэчжи, и были частью единого потока андроновских кочевых мигрантов [Лысенко. 2002а. С.169]. Русский этнограф В. Успенский отмечал, что согласно тексту «Ши цзи» усунь обитали в области Гуачжоу, т.е. в западной части современной провинции Ганьсу – до Дуньхуана (что, видимо, свидетельствует в пользу предположения о совместном, но раздельном проживании усуней и юэчжи в районе Ганьсуйского коридора). Исследователь предложил весьма убедительную гипотезу, согласно которой древние обитатели этого района сижунь (сяожунь) были вытеснены усунями в горы в начале эпохи Чжаньго.

Усиление северозападных китайских царств (Цинь и Чжао) в конце V в. до н.э. предопределило возможность китайского продвижения на север, на земли исконных кочевий степных «ди». Этой этнической экспансии объективно способствовали существенные изменения во внутренней жизни китайских царств в самом начале IV в. до н.э. [Крюков, Софронов, Чебоксаров. 1978. С.170-174]. В среде китайцев окончательно утвердились ценности земледельческой культуры, изменилось нравственное отношение к земле, которая стала признаваться единственным источником подлинного богатства. В IV в. до н.э. было предпринято буквально все возможное в области законодательства, что могло подвинуть китайского крестьянина и владельца к поиску и освоению новых земель.

В первой трети IV в. до н.э. древнекитайское царство Цинь начало продвижение в юго-восточную оконечность оазиса Увэй. Здесь начинался коридор Хэси, а вместе с ним начинались собственно юэчжийские земли. Способ захвата земли кочевников был хорошо отработан китайцами: крестьянин распахивал пастбища и высевал на них просо, а войско охраняло спокойствие труда земледельца. Через несколько лет степные сообщества растений исчезали, и степи, превращенные в пашню, уже становились непригодны для выпаса многотысячных стад скота. Царство Цинь хорошо подготовилось к новым территориальным захватам. Была реорганизована и перевооружена армия, причем в этой реформе широко использовался опыт конных подразделений жун-ди: вместо колесниц была создана верховая кавалерия, солдат учили стрелять из лука с коня, было введено железное оружие и пики передовых шеренг конных воинов. Можно предположить, что в результате массированного китайского натиска начала IV в. до н.э. юэчжи были вынуждены

сдвинуться, вместе со своими кочевьями и стадами на север, толкая впереди себя еще более слабую в военном отношении орду усуней.

Б.И. Вайнберг в своей недавней монографии, посвященной этногеографии Турана, отметила очень любопытный археологический феномен – появление в конце IV в. до н.э. или на рубеже IV-III вв. до н.э. в левобережном Хорезме новой группы скотоводов-кочевников. Для них были характерны подбойные и катакомбные погребения, а также общий погребальный обряд (заупокойная пища, положение инвентаря и др.). Образцы глиняной посуды из этих могильников абсолютно чужды Хорезму и неизвестны в других областях Средней Азии. Учитывая, что керамические центры Средней Азии довольно хорошо известны, Б.И. Вайнберг предполагает, что эта посуда происходит из неизвестных по археологическим материалам центров Восточного Туркестана. Далее исследователь делает очень осторожный вывод: «Если появление подбойно-катакомбных погребений в Средней Азии в последних веках до н.э. объясняется вторжением «Больших юэчжи» (Да-юэчжи) китайских источников, то можно предположить, что и более ранние погребения этого неизвестного до того в Средней Азии типа тоже оставлены племенами «юэчжийского» объединения». Ниже Б.И. Вайнберг, указывая, что путь этой группы мигрантов шел из Восточного Туркестана до Южного Приаралья, а оттуда на Устюрт, в Хорезм и Восточный Прикаспий, специально подчеркивает, что вынуждена из-за отсутствия другого определения сохранить этноним «юэчжи» для этих кочевников, не вкладывая в данный термин конкретное этническое содержание [Вайнберг. 1999. С.162-165, 249].

В этот исторический период (начало IV в. до н.э.) усунь не являлись еще для юэчжи серьезным противником, что очевидно уже из анализа военно-политических событий III-II вв. до н.э. Они стали побеждать юэчжи только после того, как военная мощь последних была серьезно подорвана войной с хуннами. Разумеется, уход усуней из района Алтынтаг-Лобнор и с Восточного Тянь-Шаня не был одномоментным явлением, а затянулся на какое-то время, однако очевидно, что к началу III в. до н.э. усуней ни в том, ни в другом районе уже не было, а их здешние бывлые кочевья занимали юэчжи.

Направление миграции усуньской орды от Алтынтага и Хами, как уже указывалось, вело прямо на север: через район озера Баркуль – в степной мелкосопочник Монгольского Алтая. Эта северная окраина пустыни Гоби, надежно укрывшая племя усуней от их упорных преследователей, стала подлинной исторической прародиной асиан античных источников, ведущего субэтноса исторических аланов. Пребывание усуней в Монгольском Алтае, Кобдинской степи и на юго-западных склонах хребта Хангай достаточно уверенно устанавливается на основе китайских письменных источников. Около 210 г. до н.э. (вероятно, в середине или в конце лета) воины хуннского шаньюя Модэ нашли в степи усуньского мальчика – сына убитого юэчжами усуньского князя («гуньмо» – в китайской транскрипции). Очевидно, что границы земель усуней находились в непосредственной близости от владений хуннов. Но где же находились эти земли?

В китайской династийной истории читаем, что в 215 г. до н.э. государь Цинь Ши-хуанди отправил против северных «ху» полководца Мэн Тяня с 300-тысячным войском. Армия Мэнь Тяня неожиданно обрушилась на северных варваров и очень скоро завоевала Ордос. Китайцы заняли всю излучину Хуанхэ и построили по ее берегам 44 военных форта, оставив там в качестве гарнизонов помилованных преступников. Продолжая так успешно начавшийся поход, Мэнь Тянь в 214 г. до н.э. перешел Желтую реку (Хуанхэ) и занял своими войсками предгорья Иньшаня.

Шаньюю Тумань (отец будущего шаньюя Модэ), спасая свой народ от произвола китайских солдат, ушел на север – на древние земли хуннов по северным склонам Гобийского Алтая, на юго-восток Хангая и в бассейн реки Орхон. Владения усуней, таким образом, располагались вблизи от этих территорий. «Ши цзи» уточняет: убитый гуньмо усуней имел «небольшое владение на западных хуннских землях» [Бичурин. 1950. Т.II. С.155]. Следовательно, территория интересующего нас племени лежала за верховьями Орхона, а там начинаются западные склоны Хангая, Кобдинская степь с целой системой озер и рек, Монгольский Алтай. По обе стороны Монгольского Алтая помещал земли усуней еще Н.А. Аристов, опиравшийся на древние китайские источники [Аристов. 1904. С.7-8]. В этом вопросе с ним солидарен Г.Е. Грумм-Гржимайло, указывающий, что в китайских сочинениях «Си-ши-цзи» и «Мэн-гую-му-цзи» пределы пребывания усуней обозначены именно в Кобдинской Монголии. (В «Си-ши-цзи» усуньская земля обозначена как местность, лежащая к западу от Каракорума. А «Мэн-гую-му-цзи» упоминает о городе Чи-шань-чен, в Хангае, как о бывлой резиденции усуньского гуньмо). [Грумм-Гржимайло. 1926. Т.II. С.100].

Война с юэчжи забирала все военные силы только начавшей подниматься на ноги хуннуской кочевой державы. Итог этой войны был совершенно непредсказуем, особенно поначалу, до вступления в военные действия против юэчжи новых союзников хуннов: тибетских цянов (с юга) и асиан-усуней (с северо-востока). Около 181 г. до н.э. борьба хуннов с юэчжи приобретает особо ожесточенный характер и в ней начинает просматриваться долгожданный для хуннов перелом. Возможно, что в период между 181 и 177 гг. до н.э. хуннуская дипломатия сумела заручиться военной помощью двух новых союзников: тибетских цянов и, возможно, усуней/асиан. [Гумилев. 1997. С.81].

Л.А. Боровкова в своем переводе «Повествования о Сюнну» в «Ши цзи» приводит любопытную деталь, которая не отражена в переводе Н.Я. Бичурина: об использовании Модэ в походе против юэчжи военных сил неких исцев (**и**), которые, вероятно, внесли очень существенный вклад в разгром юэчжжйской орды, коль скоро об их участии в походе было написано в письме императору Хань.

«[Я – Модэ] **наказал ю-сянь-вана, послав его на запад разыскать юэчжжй и напасть на них. По милости Неба** [его] **войны были в отличном состоянии, кони сильны и** [он], **используя исцев (и), уничтожил** [царство] **Юэчжи, все подданные которого были** [либо] **убиты, [либо] сдались.**

Затем [он] *утвердился в Лоулань, Усунь, Хуцзе, и в 26 других прилегающих к ним царствах*. [Отныне] *все натягивающие лук народы соединены в одну семью, [так как] в северных областях [мы] утвердились ранее»* [ШЦ. Гл.110. С.2896. Боровкова. 2001. С.55-56].

О каком царстве Усунь и каких исцах (*и*) идет речь в тексте данного документа?

Очевидно, что Модэ-шаньюй, упоминая о Лоулань, Усунь, Хуцзе и 26 других прилегающих к ним царствах, имел в виду по существу все владения Западного края (т.е. Восточного Туркестана). Однако племена усуней в этом районе, как было показано выше, уже давно не было: разгромленные около 208 г. до н.э. юэчжами они бежали под протекторат хуннов и расселились в Кобдинской степи в Монгольском Алтае, т.е. к северо-востоку или даже к северу (если ориентироваться по западной границе кочевий хунну) от владений Модэ. Возможно, в послании упоминается временное владение усуней в степях у озера Баркуль, где усуней пребывали, по-видимому, несколько десятков лет, после того, как были изгнаны юэчжами из коридора Хэси.

Полагаем, что с учетом того, что новые кочевья усуней в Монгольском Алтае и на склонах Западного Хангая располагались **почти строго к северу** от западных земель хунну, весьма вероятно, что в тексте письма к Вэнь-ди Модэ-шаньюй называет исцами (*и*) именно войска усуней. Воодушевленные идеей мести за своих некогда убитых родственников, усуньские всадники вполне могли стать ударной силой армии ю-сянь-вана в военном походе против юэчжи в 177-176 гг. до н.э.

В 174 г. до н.э. великий преобразователь хунну Модэ-шаньюй умер, а на престол вступил его сын Гиюй, получивший в наследство великую державу и титул Лаошань-шаньюя. Одной из неожиданно вставших перед ним проблем стала новая активизация непокорных юэчжи, которые периодически обменивались военными набегами с асианами (усунями), действуя с территории своей новой степной цитадели к западу от Тянь-Шаня. В китайских летописях «Ши цзи» и «Цянь Хань шу» в сведениях о царствовании Лаошань-шаньюя ничего не говорится о его военных походах против юэчжи, однако в последней династийной хронике есть упоминание, что *«Модэ-шаньюй разбил Юэчжи, а Лаошань-шаньюй убил его, и сделал из его черепа чашу для питья»* [Бичурин. 1950. Т.II. С.183].

Вне зависимости от разноречивых оценок личного участия Лаошань-шаньюя в финальном разгроме юэчжи, большинство исследователей сходятся на том, что вождь непримиримых юэчжи Кидолу был убит ближе к 165 г. до н.э. [Зеймаль. 1968. С.97]. Видимо, разгром юэчжи был на сей раз действительно окончательным, поскольку даже труп Кидолу достался торжествующим победителям [Бичурин. 1950. Т.II. С.266]. Остатки юэчжи, лишенные племенных вождей, которые были либо убиты в сражениях, либо взяты в заложники, вынуждены были признать над собой власть асианских (усуньских) князей.

§ 2. Завоевание Греко-Бактрийского царства кочевыми ордами сармато-аланского суперэтнуса. Этнополитическое значение наименования «аланы». Усуни/асиане сразу же после окончательной победы над юэчжи переносят свои главные кочевья в Семиречье. Юэчжи, в свою очередь, вынуждены были уходить дальше на запад. Можно предположить, что не доверяя им, и по опыту почти двухвековой войны в любой момент ожидая вооруженного сопротивления, асиане сохранили свое военно-политическое присутствие во главе юэчжийской орды, а еще через какое-то время сами возглавили поход юэчжей и, более того, придали ему характер широкомаштабной завоевательной экспедиции двух кочевых народов. Этот западный поход мог начаться вскоре после 161 г. до н.э., когда после смерти Лаошаньшаньюя (162 или 161 гг. до н.э. – по различным данным), асианский князь Лецяоми смог ликвидировать зависимость Усуни от державы хуннов и успешно отбил натиск посланной хуннами карательной экспедиции.

После завоевания Согдианы следующей целью иранских кочевников стало Греко-Бактрийское царство – самый восточный осколок империи Александра Великого. Китайцы крайне низко оценивали боевой дух греко-бактрийских войск: «этот народ слаб и боится войны» [Бичурин. 1950. Т.II. С.184]. Когда китайский посол Чжан Цянь посетил новые кочевья юэчжи в 128 г. до н.э., этот этнос, по-видимому, уже контролировал военно-политическую обстановку почти на всей территории Бактрии, но главная ставка еще находилась к северу от реки Гуйшуй (Сырдарья) [Боровкова. 2001. С.102]. Захватив Бактрию и обретя наконец-то долгожданный покой, основная масса юэчжи продолжала скорее по инерции, нежели целенаправленно, медленно продвигаться на юго-запад в сторону Парфии. Возможно, именно асиане/усуни с частью наиболее боеспособных тохарских родов, напротив, резко усилили свой натиск в направлении на северо-запад и на рубеже II-I вв. до н.э. подвергли тотальному разгрому многие крепости и поселения Хорезма [Яблонский. 2000. С.68]. Именно в этот период на территории левобережного Хорезма появляются захоронения с классическим для кочевников инвентарем – богатым комплексом предметов вооружения, который включал, в частности, сложносоставные луки «гуннского» типа. Эти кочевники, которых, вероятно, следует отождествлять с асианами-усунами и юэчжами, принесли с собой и разнотипные керамические сосуды, которые, тем не менее, объединяются в одну группу, чужеродную для района Хорезма [Маслов, Яблонский. 1996].

Л.А. Боровкова высказала интересную и хорошо аргументированную гипотезу о том, что наступление юэчжийской орды на Греко-Бактрию прошло в два этапа. В первый, более ранний этап натиск юэчжи на Бактрию носил характер прямой военной интервенции, в результате которой юэчжи потерпели поражение и были вынуждены признать свою зависимость от бактрийских царей. Второй этап, по мнению исследователя, проходил постепенно и мирно, имея характер своего рода этнической диффузии кочевников в греко-бактрийскую среду. Эту точку зрения Л.А. Боровкова аргументировала

новым прочтением соответствующих фрагментов из «Ши цзи» и «Хань шу» на основе собственноручно выполненных переводов.

Наиболее подробную информацию о завоевании Бактрии племенами иранского корня можно найти у Страбона и Помпея Трога. Последний автор оставил единственное в своем роде связанное изложение парфяно-бактрийской и тохарской истории, которое, к сожалению, дошло до нашего времени не полностью и не оригинале, а во фрагментарных выписках Юстина (I в. н.э.).

Страбон дает перечень наиболее известных кочевых народов, разгромивших греко-бактрийцев: асии, пасианы, тохары и сакараулы, которые пришли со стороны Яксарта (Сырдарья) [Strabo. XI.8,2]. Помпей Трог называет завоевателями Согдианы и Бактрии – асианов и сарауков. Тохары у него не упомянуты. Однако именно у этого автора в конце «Пролога» [XLII] асианы названы «царями тохаров» (Reges Thocarorum Asiani). Специальная глава сочинения Трога, которая носила название «Как асианы сделались царями тохаров», и о содержании которой мы можем с большей степенью вероятности предполагать (хорошо зная подробную информацию по этой теме из китайских источников), до нас не дошла. Хотя в тексте Юстина содержится описание некоторых важных событий парфяно-скифской истории, нас интересует прежде всего только та часть его повествования, которая свидетельствует о следующих фактах: асианы были в числе первых (и, видимо, главных) завоевателей Бактрии; асианы в момент этого завоевания господствовали над племенем тохаров. При сопоставлении сведений античных и китайских источников неизбежен вывод о полном тождестве племени усунь с племенем асов (асиан), а племени юэцжи с племенем тохаров.

Форма «пасианы», которую сообщает Страбон, является, несомненно, либо досадным огрехом последующих переписчиков, либо просто иной – искаженной формой исходного этнонима «асианы». Кажется, что и сама эта пропись «асианы» является в свою очередь производной, латинизированной формой от первичного «асии». Последний этноним в форме «ас» возможно является одним из самоназваний (скорее всего самым древним) племени усунь (явно китаезированная форма от «ас») [Крюков. 1988]. К подобному же выводу, на основании довольно широких этимологических сопоставлений, пришел Г.В. Вернадский [1997. С.102].

Любопытно, что этноним «ас», впервые появившись в форме «асии» на страницах античных источников в I в. до н.э. (т.е. задолго до первого упоминания об аланах), просуществовал параллельно с этнонимом «алан» на протяжении всего исторического бытия аланского народа, подчас даже замещая это наименование в текстах исторических документов. Уже Страбон знает «асиев», которые в числе прочих племен «отняли у греков Бактрию» [Strabo. XI. 8,2], это же племя в форме «асаев» (ἸΑδατοι) известно и Птолемию [Ptol. Geog. 5,9,16]. Помпею Трогу известны «асианы», ставшие царями тохаров [Pomp. Trog. Prol. 42]. А. Алемань указывает, что грузинские **Oset'i** и **Osi**, в более древних формах **Ovset'i** и **ovsi**, являются ничем иным, как вариантом исконного этнонима ***as-**, в изобилии документированного в восточных источниках как

As, в монгольском языке в форме **Asud** (мн.ч.), в китайских хрониках как **Asu**, а также в среднелатинских формах **As**, **Aas**, **Assi**, **Azzi**. Этот же этноним известен на иврите в форме **Asia**, а в древнерусских летописях многократно отражен как этническое наименование **ясы** [Алемань. 2003. С.33-34].

Следует указать на еще один чрезвычайно важный аспект рассматриваемой проблемы. В.И. Абаев в словаре скифских слов отмечает: «Alan, allan ‘название скифского племени’, из агуана ‘арийский’, ‘ариец’». Ранее в том же контексте исследователь разъясняет, что **alan** происходит от древнеиранского ***aryana** – с характерным для скифского или каких-то других диалектов скифского языка переходом **ry > l** [Основы иранского языкознания. 1979. С.11, 277]. Имеются ли в античных источниках указания на народ, который бы носил в своем этническом имени корень «агуана»? Да, такое упоминание есть.

Ariakai (* **area-ka** «арийцы») названы в тексте Птолемея [VI,14], а их расселение обозначено на левобережье низовьев Сырдарьи. Поскольку сведения источника приурочены к описанию торгового пути вдоль реки, есть все основания доверять этой информации – археологические материалы подтверждают наличие в древности развитого торгового пути по Сырдарье по крайней мере до I-II вв. н.э. [Левина. 1996. С.82]. В Восточном Приаралье в зоне дельтовых протоков Яксарта в период со II в. до н.э. и до конца VIII в. н.э. существовала только одна археологическая культура – джетыясарская [Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II-V: Джетыясарская культура. Ч. I-V. М., 1993-1995]. А раз так, то можно, вероятно, говорить об этническом тождестве носителей этой культуры с ариаками Птолемея. Как показала Б.И. Вайнберг, в перечне областей Авесты в «Фарвардиняште» (Яшт XIII, 143-144) под «арья» понимается именно область расселения ариаков в низовьях Сырдарьи. Детальный анализ списка перечисляемых народов и исторической ситуации, отображенной в тексте, позволяет датировать этот документ временем не позднее II в. до н.э. [Вайнберг. 1999. С.196 сл.]. С учетом неоднократного отмечаемой исследователями близости погребального комплекса джетыясарцев с погребальным комплексом усуней и сармато-алан, нельзя исключать, что ариаки Птолемея являлись генетически родственным подразделением единого сармато-аланского суперэтноса [Цуциев. 1999]. Вероятно, в ариаках Птолемея следует видеть осевшую в низовьях Сырдарьи часть второй миграционной волны асов (усуней) на запад в конце II в. до н.э., которая была вызвана успешным разгромом в долине реки Или непримиримой группировки юэчжи и созданием на ее обломках нового, весьма сильного асиано-юэчжийского военного союза.

Во второй половине II в. до н.э. асиано-юэчжийская военно-политическая экспансия была распространена практически на всю территорию Средней Азии: была подчинена область государства Кангуй (на который был распространен военный протекторат асов), были завоеваны Согд, Бактрия и Хорезм. В ходе этого глобального этнического перемещения и связанных с ним социально-политических процессов сформировалась единая арийская идеология восточноиранских степняков, именовавших себя, вне

зависимости от принадлежности к конкретному степному племени – **aryana**. В скифском (сакском) лексическом массиве, который численно доминировал в Средней Азии, это слово вскоре стало звучать как **alana** – **alan**. Обретение звучного объединяющего этнонима объективно выполнило функцию одного из важнейших социальных факторов, совокупность которых позволила аским полководцам сплотить разноплеменный человеческий конгломерат в устойчивый военно-этнический союз, который успешно продвигался по степям Евразии с востока на запад под грозным для врагов именем алан.

§3. Алано-пазырыкские этнокультурологические параллели. Обширный материал из захоронений в курганах Горного Алтая IV-III вв. до н.э. приводит к вполне однозначному выводу: между культурой одежды алан-асов и культурой одежды т.н. «пазырыкских» племен имеется так много общего, что в пору задаваться вопросом не о степени их этнической близости в рамках сармато-аланского суперэтнуса, а о степени различия их материальной культуры. На этом фоне почти полной идентичности многих сложных элементов одежды, головных уборов, обуви и даже причесок усуней – пазырыкцев, столь же полной межэтнической пустыней выглядит одно единственное схождение бытовых вещей алтайцев IV-III вв. до н.э. с юэчжами Черчена.

Хронология алтайских курганов пазырыкского типа хорошо укладывается в предложенную выше концепцию о поэтапном вытеснении усуней из западной части коридора Хэси и Восточного Тянь-Шаня народом юэчжи в западную и центральную часть горной системы Алтая и Кобдинскую степь. Как известно, датировка Пазырыкских курганов до сих пор вызывает разногласия. Петербургские ученые, опираясь на корреляцию дендрохронологических и вновь установленных радиоуглеродных дат, настаивают на том, что, например, богатый иранским и китайским импортом курган 5 в Пазырыке датируется рубежом V-IV вв. до н.э. или первой половиной IV в. до н.э. [Марсадолов, Зайцева, Лебедева. 1994. С.141-156]. Американские исследователи предлагают омоложение этих алтайских комплексов, основываясь как на радиоуглеродных датах, так и на трактовке некоторых импортных вещей из захоронений [Source. 1991; Hiebert. 1992. P.120-122]. Аналогичную позицию занимает Б.А. Раев, уже давно утверждающий о необходимости пересмотреть датировки Пазырыкских курганов в сторону омоложения [1989. С.116-117]. Здесь на наш взгляд необходимо учитывать определенную зыбкость радиоуглеродных датировок, имеющих, с историко-этнологической точки зрения, слишком большой хронологический разброс. Но даже принимая существующую хронологическую привязку пазырыкских комплексов (первая половина IV в. до н.э.), легко заметить, что и в этом случае культура курганов Пазырыка вполне укладывается в хронологический диапазон миграционного сдвига усуньской орды на Алтай и в Кобдинскую степь, происходившего с начала IV по конец III вв. до н.э. Такой вывод находит прямое археологическое подтверждение: пазырыкцы предстают на Алтае как пришельцы, историческую прародину которых в рамках доселе предлагавшихся схем этногенеза усуней и юэчжей установить невозможно. Эта прародина могла находиться, на наш

взгляд, только к югу от горной системы Алтая и Кобдинской степи, что в определенной мере подтверждается результатами комплексного исследования пазырыкского костюма, проведенного С.А. Яценко [1999. С.168].

В конце 2001 года, когда рукопись нашей монографии о ранней истории алан уже находилась в типографии, нам удалось ознакомиться с только что опубликованной статьей К.М. Байпакова «Семиреченские художественные бронзы» [2001. С.151-158]. Исследователь описал несколько светильников усуней, найденных в разное время на территории Семиречья. На наш взгляд, три из них представляют исключительный интерес. Первый светильник, который вернее называть жертвенником, украшен четырьмя фигурками крылатых кошачьих хищников (скорее всего тигров). Он примечателен тем, что имеет почти точную аналогию с территории исторической прародине усуней – его типологический «двойник» найден в современном Синьцзяне, на предгорной подошве Алтынтага [Археологические исследования в Синьцзяне. 1983. Табл. 44]. Второй светильник еще более примечателен: его художественное оформление является как бы культурологическим мостиком между Пазырыком и культурой богатых аланских захоронений I-II вв. н.э. По бортику блюда жертвенника напаяно 16 полых бронзовых фигур кошачьих хищников – барсов или тигров, расположенных друг за другом по часовой стрелке. Не нужно иметь особых искусствоведческих познаний, чтобы сразу вспомнить ближайший аналог этой сцены – это шествие хищных зверей – один из излюбленных художественных сюжетов пазырыкцев. В центре этого блюда расположена композиция из пяти фигур животных: горного козла, двух волков и двух воронов. Художественная стилистика воронов удивительно напоминает прорись птиц на аланской диадеме из кургана «Хохлач» [Лысенко. 2002. С.86 Рис.4]. Фигурка же горного козла на блюде – почти точная копия изображения сибирского козерога на войлочном шлеме амазонки из кургана 1 могильника Ак-Алах I в Горном Алтае [Полосьмак. 1994. С.43; Лысенко. 2002. С.99. Рис.8].

Этнологическое значение третьего жертвенника вообще трудно переоценить. Фактически перед нами новое материальное подтверждение гипотетической концепции Т.А. Прохоровой о некоторых религиозных представлениях алан [1994. С.174-182]. Блюдо жертвенника диаметром 25,5 см покоится на ажурной подставке высотой 18 см. На краю блюда укреплено изображение антропоморфного бога, сидящего по-восточному и держащего в правой руке ритуальный кубок. Немного назад и вправо на том же блюде расположена фигурка коня. Лошадь взнуздана ременной уздечкой с псалиями, длинный хвост ее закручен и стянут. В целом это довольно стилизованное изображение бога Митры имеет четкую параллель в другом, более детально поработанном изображении Митры – на гривне из кургана 10 Кобяковского могильника на Дону [Гугуев. 1992. С.116-129].

Итак, сравнительные характеристики оружия, предметов культа и конного снаряжения, а также графических изображений лошадей из трех, весьма удаленных друг от друга регионов (Согда, Памира, Алтая) свидетельствуют о наличии на этом огромном географическом пространстве с конца IV по конец

II вв. до н.э. (а для согдийско-памирского региона и значительно позже) единой восточноиранской кочевнической этнической культуры.

Глава III. Аланы в этнополитической истории Средней Азии I в. до н.э. – I в. н.э.

§1. Кангюй и Яньцзяй: этническая история и географическая локализация. Первые исторические сведения о Кангюе изложены Сыма Цянем в главе 123 «Ши цзи» («Исторические записки») – «Повествование о Давань». Сведения эти получены от Чжан Цяня – ханьского эмиссара в страны Средней Азии, вернувшегося в 126 г. до н.э. в Китай после тринадцатилетней миссии к народу юэчжи, который император У-ди хотел привлечь к широкомасштабной военной операции против хунну. По сообщению Сыма Цяня, император У-ди посылал в год по пять-десять посольств в дальние страны Запада, которые дошли вплоть до Лигань, т.е. до Рима [Боровкова. 1989. С.21]. Несомненно, что при столь интенсивных дипломатических контактах имперский кабинет Хань получал о западных странах вполне достоверную и надежную информацию.

Существующие переводы текста «Ши цзи» позволяют в отношении Кангюя прийти к нескольким важным заключениям.

1. Этнос, который осуществлял в конце II в. до н.э. государственное управление в Кангюе, несомненно имел кочевой быт. Кангюй – «кочевое владение» – прямо указывает «Ши цзи».

2. Кангюйский этнос имел довольно внушительные военные силы (до 90 тыс. лучников), но при этом значительно более низкий военно-политический вес, нежели государство юэчжей, кочевая империя хуннов и княжество асов Усунь. Факт формирования кангюйского войска преимущественно из лучников доказывает китайское выражение «*кхун-сянь-чже*», употребленное в «Ши цзи», которое Н.Я. Бичурин переводит как «натягивающий, или могущий натягивать лук». Гораздо чаще, прежде всего в случаях, когда нужно было обозначить хорошо организованный, строевой порядок формирования войска, китайцы употребляли другой термин – «*шэнбин*» [Бичурин. 1950. Т.II. С.150. Прим.5]. Военная слабость Кангюя, кроме прямого указания «Ши цзи» на его «малосилие», доказывается простым сопоставлением: асы Усуни были сильнее юэчжи, но слабее хуннов, однако имея значительно меньшее по численности войско, нежели кангюйцы, асы дерзко бросили вызов хунну, сложив с себя и своих вассалов все даннические обязательства. Кангюй же, обладая многочисленным, но в духовном отношении, вероятно, довольно слабым войском, не мог решиться на подобный шаг, несмотря на то, что его столица находилась от границ империи хуннов на значительно большем удалении, чем Чигу – столица усуньских асов.

3. Кангюй признавал свою зависимость от кочевой орды юэчжи, которая около 130 г. до н.э. окончательно сломала сопротивление владетелей Греко-Бактрии. Юэчжи, располагали армией от 100 до 200 тысяч воинов, но это войско, как было показано в предыдущей главе, состояло из асиан, собственно юэчжи и сакских племен сакарауков (светлых саков), присоединившихся к асо-юэчжийскому войску в процессе его движения к границам Бактрии. Подчерк-

нудое дистанцирование Кангюя от юэчжи хорошо просматривается в контексте исторических сведений «Ши цзи» и, вероятно, свидетельствует о том, что в хронологическом промежутке между 130 и 115 гг. до н.э. кангюйский этнос значительно отличался в генетическом аспекте от асов и юэчжи.

4. В тексте «Ши цзи» расстояния до Усуни и Кангюя указываются от Давани, что доказывает существование между этими владениями регулярно почтового и торгового сообщения. В пользу такого вывода свидетельствует и факт препровождения Чжан Цяня из Давани в Кангюй «по почте» в ходе исполнения этим китайским эмиссаром своей посольской миссии.

Обширный материал по кочевническим тамгам из Цаган-гола (горы Монгольского Алтая), изученный Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородовой, привел исследователей к выводу о наличии единых генетических корней у иранских кочевников Юго-Западной Монголии, Средней Азии и Северного Причерноморья. «В материалах из Юго-Западной Монголии, – отмечают авторы, – мы, бесспорно, имеем тамги той же группы, что представлены на монетах Хорезма и Согда, об этом говорит как наличие полностью тождественных знаков, так и ряда знаков, близких тем, что известны среди среднеазиатских и сарматских памятников. Кроме того, в цагангольских материалах есть знаки явно того же круга, которые можно рассматривать как производные от более простых тамг этой группы. ... Отмеченное выше сходство тамг Юго-Западной Монголии, Средней Азии и Северного Причерноморья вряд ли можно признать случайным, оно, несомненно, отражает родство племен (родов), их оставивших, а также, вероятно, и путь их расселения (передвижения)». Несколько ниже Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородова подчеркивают, что анализ тамг на монетах II-I вв. до н.э. правящих династий Хорезма, Бухары и Самарканда позволяет сделать обоснованный вывод об их теснейшей генетической связи именно с северной, сарматской волной кочевников, пришедших в эти регионы в эпоху падения Греко-Бактрии [Вайнберг, Новгородова. 1976. С.71-72].

Таким образом, как нам представляется, существуют достаточно веские основания для предложенной нами гипотезы о завоевании сакского Кангюя в первой половине II в. до н.э. иранскими кочевниками более восточной географической локализации. Такими кочевниками в свете имеющихся сведений китайских династийных историй могут быть, видимо, только асы (асиане) Усуни, а также какая-то часть этнических юэчжи, союзных асианам, которые не покинули территорию Семиречья после разгрома своей основной орды войсками князя Лецяоми.

При внимательном чтении сведений китайских источников о Яньцай исследователя не оставляет ощущение, что здесь мы имеем дело с описанием двух разных ландшафтных зон, характеристики которых совмещены в едином повествовании. Действительно, если «Ши цзи» указывает на большое озеро (болото?), примыкающее к территории Яньцай, которое «не имеет высоких берегов», то в своде «Шофанбэйчэн» упомянут уже «высокий берег». Сезонные перекочевки скота «за водой и травой» ясно указывают на наличие в Яньцай жаркого и засушливого климата, при котором в летнюю пору пере-

сыхают степные ручьи и речки. Однако ковыльные степи и заросли раkitника (орешника), а тем более наличие сосновых боров («много елей и сосны») предполагает, напротив, значительное увлажнение и отсутствие более-менее продолжительных засух. Следует специально отметить, что, судя по природным условиям, Северное Приаралье (а уж тем более восточная оконечность Аральского моря) в историческое время не могло входить в зону распространения ковыльных степей и сосновых лесов [Вайнберг. 1999. С.275].

Если в соответствии с описанием «Ши цзи» провести по карте вектор к северо-западу длиной в 2000 ханьских ли (828) км, то его острие укажет на пологие горы Мугоджарской возвышенности, которая является своего рода предгорной подошвой Южного Урала и широким клином входит в пространственный промежуток между Каспием и Аралом. Здесь проходит водораздел между этими внутренними азиатскими морями-озерами и берут начало реки Эмба, Уил, Сагыз, Орь, Иргиз и другие более мелкие, пересыхающие летом ручьи и речушки. Здешняя степь, перемежающаяся большими пологими возвышенностями, балками и оврагами, изрезанная многочисленными речными руслами, еще в конце XIX столетия отличалась превосходными ковыльно-типчаковыми пастбищами. В ней были разбросаны колки березового и осинового леса, встречались сосновые боры [Рычков. 1887]. Здесь было достаточно хороших пастбищ для скота, а само положение Мугоджар, практически равноудаленное (в пределах 250-350 км) от Арала, предгорий Южного Урала и Прикаспийской низменности, позволяло при малейшей угрозе засухи выбрать любое подходящее направление для перекочевки. Только этот ландшафтно-географический район отвечает всем характеристикам Яньцай по сведениям китайских источников в комплексе.

Юго-восточные отроги Мугоджар лежат при **«при большом озере (болоте), которое не имеет высоких берегов»**, т.е. вплотную подходят к берегу Арала. На пологих вершинах здешних огромных столообразных возвышенностей росла **«белая трава»**, т.е. ковыль. Склоны многочисленных балок и оврагов служили прекрасной естественной стацией для **«раkitника»**. А вдоль русел крупных рек (Эмба, Орь, Уил, Иргиз) во II-I вв. до н.э. несомненно росли хорошие сосновые боры. Северные склоны Мугоджар постепенно переходят в Тургайское плато, с которого начинаются истоки реки Тобол, а еще севернее лежит обширное Зауральское плато, на котором до сих пор в районе реки Аят (впадает в верхний Тобол) сохранились участки нетронутых плугом ковыльных степей. Расположение этих мест в Зауралье и близость их к среднему течению Тобола, где еще в начале XX века процветал пушной промысел, хорошо согласовывается с указаниями китайских источников об обширной северной стране Янь, примыкавшей к Яньцай и платившей дань Кангюю шкурками зверьков «мышинной породы». Вместе с тем пограничное положение южных Мугоджар на стыке степей и полупустынь заставляло кочевые орды в летнюю пору уходить от угрозы засухи, т.е. следуя «за травой и водой», регулярно перекочевывать с места на место. Одним из районов сезонных кочевков вполне могло быть побережье Каспия между устьем реки Урал и устьем реки Эмбы –

прибрежная зона, которая и донныне характеризуется солончаковыми болотами. Здесь, близ устья Эмбы, на Каспийском море возвышаются небольшие острова, служащие залежками каспийских нерп [Соколов. 1979. С.284-285]. Если отождествлять народ Яньцай (до завоевания этого владения Кангюем) с массагетами, то тогда, с учетом предложенной гипотезы о расположении Яньцай в Мугоджарах, становятся понятными указания Страбона о тюленьем промысле массагетов: **«Живущие в болотах [массагеты – Н.Л.] питаются рыбою и одеваются в шкуры тюленей, поднимающихся вверх по рекам из моря»** [Strabo.XI.8,7]. Комментируя указание Птолема [Ptol. Geog. 6,14,3] о наличии на востоке Скифии Аланских гор, А. Алемань высказался в пользу отождествления этих гор с Мугоджарами [2003. С.151].

Таким образом, только локализация Яньцай в Мугоджарах позволяет логично и непротиворечиво совместить казалось бы совершенно противоположные характеристики Яньцай и области массагетов из древних китайских и античных источников. Именно пологие, столообразные горы Мугоджар, получившие впоследствии у китайцев название Аланьяо, стали в конце II – начале I вв. до н.э. очередным географическим рубежом в этнической экспансии асов-алан на запад [Лысенко. 2000. С.42-47; 2002а. С.290-291].

На основании материалов археологии и сведений «Ши цзи» можно с достаточной уверенностью отождествлять кочевое владение Кангюй с кочевым военно-политическим союзом саков, территория которого простиралась широкой полосой от низовьев и среднего течения реки Сырдарья на западе, до Джунгарского Алатау и хребта Тарбагатай на востоке. В первой половине II в. до н.э. юго-восточная часть владения саков (народ «сэ»), находящаяся в Семиречье, была завоевана юэчжи и отторгнута от Кангюя, сохранившего на востоке выход в степи Восточного Туркестана (и, соответственно, общую границу с империей хунну) в районе Джунгаро-Иртышского коридора. Не позднее 161 г. до н.э. (год смерти Ляошань-шаньюя, сына великого Модэ) юэчжи были разгромлены асианским войском князя Лецяоми (воспитанник Модэ, усуньский гуньмо) и, признав свой вассалитет по отношению к асианам Усуни, вынуждены были покинуть территорию Семиречья. Примерно в это же время князь Лецяоми переносит главные кочевья Усуни с Монгольского Алтая в Семиречье, значительно увеличивая тем самым территориальный разрыв между своей ставкой и ставкой верховного шаньюя хуннов. Вслед за этим асиане Усуни разрывают свои даннические обязательства по отношению к государству хуннов и, успешно отразив все их карательные набеги, устремляются в большой военный поход на запад. Неожиданность этого рейда помогла асианам легко сокрушить военный потенциал сакского Кангюя и захватить столицу этого государства – город Битянь, располагавшийся на берегу Сырдарья в районе г. Кзыл-Орда. Отсюда войско асиан двинулось в южном направлении и вскоре захватило оазисы Согда, форсировало реку Сырдарья и вторглось в пределы Греко-Бактрии. Во всех этих владениях, согласно последним нумизматическим и археологическим исследованиям, воцаряются асиано-юэчжийские по происхождению правящие династии.

Военная мощь асо-сакского Кангюя, где все сильнее начинают доминировать единые специфически аланские этнические черты, в указанное время уступает не только весьма многочисленным армиям юэчжи, хуннов и массагетов (Яньцай), но даже армии асиан Усуни. Невысокая численность последней вполне компенсировалась значительно лучшей военной выучкой асианских воинов, а следовательно, их гораздо большей неустранимостью и верой в победу. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что к концу II в. до н.э. этническая система сакского Кангюя, получившая в результате нашествия асиан значительную генетическую инъекцию восточных иранцев, начинает быстро набирать силу.

§2. Военно-политическая история Кангюя I в. до н.э. – I в. н.э. На рубеже новой эры военное могущество Кангюя и его политическое значение в среднеазиатском регионе продолжали неуклонно возрастать. Этому в немалой степени способствовало переселение в Кангюй мятежного усуньского царевича Бихуаньчжи вместе с восьмидесятитысячной ордой соплеменников. Конечно, усиление военно-политического потенциала Кангюя нельзя связывать только с переселением значительного числа асов из соседней Усуни. Но эта массовая миграция безусловно способствовала резкому увеличению доли кочевых этносов в общей структуре народонаселения огромного кангюйского царства, что могло отразиться на мобилизационных возможностях Кангюя только самым благотворным образом.

В «Хоу Хань шу» – следующей по хронологической лестнице (после «Цянь Хань шу») китайской династийной истории, повествующей о событиях 25-220 гг. н.э. и написанной историком Фань Е только в V в. н.э., сведения о Кангюе крайне скудны. Отдельные упоминания этого государства в тексте китайского источника свидетельствуют, по-видимому, о еще более возросшем его могуществе. Так, вытесняя с царского престола в Давани некоего Цяосайти, ставленника государя синьцзянского владения Хянь, кангюйцы в середине I в. н.э. «несколько раз нападали на Давань» [Бичурин. 1950. Т.II. С.232]. Чуть позже армия и дипломатия Кангюя активно участвует во всех важнейших событиях военной эпопеи 73-94 гг. н.э., связанной с покорением Западного края талантливым китайским полководцем Бань Чао.

В 84 г. Бань Чао получил из Китая крайне необходимые ему свежие военные контингенты. Соединив эти силы с войсками владений Суле и Юйтянь, он выступил против мятежного княжества Согюй, восставшего против китайцев еще в конце 80 г. н.э. и до сих пор не склонившего своего знамени. Едва Бань Чао подошел к Согюю, как немедленно в его тылу восстал ван (царь) Чжун – государь княжества Суле, который действовал, по-видимому, в тесном взаимодействии с владельцем Согюя. Осада Согюя немедленно потеряла всякий смысл и, развернув свою армию, Бань Чао двинулся в карательный рейд против Суле. Ван Чжун не стал удерживать слабую в фортификационном отношении столицу княжества и заперся в крепости Уди, находившуюся к западу от Суле. Осада Уди длилась свыше полугода и положение гарнизона ухудшалось день ото дня, но тут на помощь Чжуну неожиданно

прибыл большой конный корпус из государства Кангюй. Китайский полководец вынужден был снять осаду. Есть все основания полагать, что изменение позиции Кангюя произошло в результате прибытия новых контингентов китайских войск на помощь Бань Чао. Военная мощь Китая в регионе резко возросла, а это, в свою очередь, вызвало адекватные шаги политической элиты Кангюя, направленные на нейтрализацию боевого потенциала китайского экспедиционного корпуса [Васильев. 1955. С.119]. Только политическое посредничество государя мощной Кушанской империи, лично вмешавшегося в конфликт по просьбе Бань Чао, заставило отступить кангюйские войска. В «Хоу Хань шу» в этой связи специально подчеркнуто, что Бань Чао обратился с просьбой о посредничестве к вану Юэчжи, поскольку недавно *«Юэчжи породнились посредством брака с Кангюем»* [Zürcher. 1968. P.351]. Это указание китайской летописи послужило основанием для вывода о подчинении Кангюя Кушанским царством, который чрезмерно поспешно, на наш взгляд, сделали некоторые исследователи [Толстов. 1948. С.25].

Тесные союзнические отношения между аланским Кангюем и державой кушан, которые в древности традиционно закреплялись институтом династических браков, имели давнюю историю, восходящую еще к событиям совместного асо-юэчжийского похода на завоевание Греко-Бактрии. Многоуровневые этнические, культурные и родовые связи, которые всегда поддерживали в отношениях между Кангюем и Кушаном союзническое status quo, позволяли этим двум крупнейшим державам Средней Азии проводить согласованную внешнеполитическую линию: например, по проблеме жесткого ограничения восточных притязаний парфянской империи.

Династийная летопись «Хоу Хань шу» («История Поздней Хань») имеет чрезвычайно важную, поскольку впервые в китайском источнике встречается этноним «аланы» в том лексическом варианте, который хорошо известен античным авторам. А.С. Скрипкин, размышляя о причинах переименования Яньцай в Аланья, высказал предположение о завоевании владения Яньцай аланами в рамках проводимой Кангюем политики по освоению северных и северо-западных территорий [1990. С.205]. Справедливость такой точки зрения трудно подвергнуть сомнению, поскольку она в наибольшей степени использует имеющиеся в распоряжении исследователей нарративные сведения и археологические материалы из Азии. Предположение некоторых ученых о тождественности Яньцай с аорсами и о «вызревании» алан внутри аорсской конфедерации племен не смогли подтвердить лингвисты [Шилов. 1983. С.47. Прим.33]. К тому же трудно, а вернее, невозможно найти веские военно-политические мотивации, которые могли бы подвигнуть столь могущественную, по мнению некоторых исследователей, аорсскую конфедерацию на отказ от собственного исконного этнического наименования.

В дополнениях из «Шофанбэйчэн» находим: *«Со времени Поздней Ханьской династии переменили имя на государство Аланьнаго»* [Кюннер. 1961. С.180]. А.А. Цуциев, комментируя это разъяснение «Шофанбэйчэн», пишет: «Новое название государства – Аланьнаго – без сомнения нужно

понимать как «государство алан», «Алания» («го» по-китайски означает «страна, государство») [Щуцев. 1995. С.36]. Итак, принадлежность Яньцай аланам со времен Поздней Хань бесспорна. Но на каком именно хронологическом рубеже произошла аннексия этого обширного владения и присоединение его к Кангюю?

Для китайских придворных историков надежным источником информации о положении в Кангюе могли стать парфянские посольства, которые Парфия, именуемая в китайских летописях – Аньси, неоднократно направляла в Китай вплоть до 101 г. н.э. Нельзя исключать также, что тщательный сбор сведений о сопредельных странах был произведен чиновником Гань Ином, специально направленным китайским наместником в Западном Крае Бань Чао в Дацинь (Рим) в 97 г. н.э. [Габуев. 1999. С.88]. Таким образом, сведения китайских династийных историй устанавливают верхний хронологический предел аланского завоевания владения Яньцай – конец I в. н.э. Нижняя дата этого события лежит, вероятно, на рубеже начала новой эры.

Таким образом, с известной поправкой на возможную (впрочем очень небольшую) хронологическую погрешность можно утверждать, что по крайней мере к 35 г. н.э. аланы Кангюя раздвинули географические границы своего государства на максимально возможное для военно-политической карты того времени расстояние. Территория Кангюя, фактически превратившегося в кочевую империю, включала колоссальные пространства евразийских степей и полупустынь, общей протяженностью с востока на запад – более 2800 км, а с юга на север – более 1600 км. На востоке границы этой аланской кочевой державы проходили по хребту Тарбагатай, а на западе упирались в линию Кавказских гор. На севере кангюйские конные сотни переходили реку Тобол и поднимались на Зауральское плато, а на юге сторожевые посты Кангюя стояли на землях согдийских оазисов. Очень приближенно (и скорее в сторону уменьшения действительной площади кангюйского политического контроля) можно считать границы современного Казахстана – границами аланского Кангюя в эпоху его максимального военно-политического могущества в I-II вв. н.э.

§3. Юэчжи «Дома Чжаову» и проблема этнического становления ранних аланов. Во второй половине II в. н.э. история Восточного Туркестана, по образному выражению Л.Н. Гумилева – «погружается во мглу», и эта мгла становится тем плотнее и непрогляднее, чем более смутными становятся события в самом Китае, стоящем на пороге полномасштабной гражданской войны. После падения в 220 г. династии Поздняя Хань Китай фактически уходит с территории Восточного Туркестана (Западного края), его контакты со Средней Азией почти полностью прерываются, а китайская держава оказывается расчлененной на несколько неистово сражающихся друг с другом политических субъектов. Новая информация о Западном крае начинает более менее регулярно поступать в Китай только к середине V в., т.е. спустя около двух столетий после эпохи Хань, и только в середине VI в. эти сведения получают обработку и обобщение в династийной летописи «Вэй шу» [Крюков, Малявин, Софронов. 1979; 1983]. Понятно, что столь длительный разрыв

этнических и политических контактов со Средней Азией не мог не сказаться самым негативным образом на информационной логике и достоверности сведений об этом регионе в первых послеханьских династийных сводах. В последующем высокий уровень летописной традиции Китая восстановился, но в рассматриваемый исторический период фактографическая канва китайских династийных хроник оставляет желать лучшего. Как отмечал по схожему поводу известный русский историк-востоковед В.В. Григорьев – китайские авторы «о делах Запада могли и должны были многое перепутать, многое упустить из виду» [1871. С.134].

Сведения о Кане (Кангюе) из «Бэй ши» («Вэй шу») подтверждают, к сожалению, последнюю оценку. Так неясна и бесспорно противоречива информация сразу о трех титулах («прозваниях») канского владетеля: Вынъ, Фуби и Чжаову. Трудно понять: как можно, не имея привязанности к оседлой жизни и «безвременно переходя с место на место», при этом строить многолюдный город, заниматься судопроизводством в храме, «прилежать к садоводству и огородничеству», в течение нескольких лет хранить в подвале до 1000 даней вина. Столь разнородная информация, алогично совмещенная в тексте «Бэй ши», свидетельствует, несомненно, о компилятивном характере данного источника, который составлялся из произвольно отобранных, разновременных сведений. В этой связи обращает на себя внимание важная деталь: ни одна из китайских летописей эпохи Хань («Ши цзи», «Цянь Хань шу», «Хоу Хань шу») **ни разу не упоминает о юэчжах Чжаову**. Даже Сыма Цянь, автор фундаментального свода «Ши цзи» ничего не знает об этом народе, хотя события хунно-юэчжийской войны и маршрут ухода «Большой орды» юэчжи на запад описаны в этой династийной хронике довольно подробно. После работы Сыма Цяня проходит более 500 лет (и более 650 лет с момента ухода «Большой орды» юэчжи из Джунгарии), как вдруг в своде «Вэй шу» появляется информация о неких юэчжи Чжаову, которые в уже незапамятные времена «разделились на множество влиятельных родов» и стали владетелями многих суверенных княжеств в Средней Азии. Очевидно, что политические события такого масштаба обязательно были бы замечены современниками – ханьскими послами, разведчиками и полководцами в Западном крае, т.е. информаторами Сыма Цяня и Бань Гу, а значит, непременно нашли бы свое отражение в китайских документах эпохи Хань. Если же ханьские летописи о юэчжах Чжаову молчат, то в этом случае неизбежен вывод, что либо народ «юэчжи Чжаову» является оригинальной выдумкой вэйских хронистов, либо под грифом «юэчжи Чжаову» скрывается какой-то другой народ, имеющий к историческим юэчжи только самое косвенное отношение.

К подобному же выводу пришла Б.И. Вайнберг, показавшая в ряде работ, что поздние китайские хроники названием «юэчжи» обозначали различные по своему происхождению и истории группы племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрийского царства, при этом так называемые юэчжи «дома Чжаову» отнюдь не были этнически единого происхождения с юэчжи «Большой орды» – кушанами [Вайнберг. 1972; 1973; 1999. С.274].

Т.А. Габуев, ссылаясь на мнение Б.И. Вайнберг о делении «юэчжи» китайских летописей на два разных массива: юэчжи-кушан в Бактрии и «юэчжи Чжаову» в Согде, делает вывод по сути противоположный — о тохарском происхождении «юэчжи Чжаову». Исследователь пишет: «... Именно эти юэчжи Чжаову — тохары Согда и были этническим массивом, который вошел в состав Кангюя и в дальнейшей утвердил династию своих правителей на значительной, возможно прилегающей с севера к Согду, части его территории» [Габуев. 1999. С.116]. В этой связи трудно понять логику чуть более ранней ссылки Т.А. Габуева на анализ кочевнических тамг (проведенный Б.И. Вайнберг), в которой указывается на единое этническое происхождение правителей Кана (Согда) с «юэчжи Чжаову». При этом исследователь опирается на более раннюю статью известного археолога [Вайнберг. 1972], совершенно не учитывая, к сожалению, результатов и выводов последующей, специальной статьи Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородовой, посвященной тамгам Монголии [1976]. Между тем заключения этой статьи в корне противоречат как мнению Т.А. Габуева о тохарском происхождении «юэчжи Чжаову», так и его предположению о завоевании тохарами («юэчжами Чжаову») более северных районов Кангюя с юга — с территории согдийских оазисов. Авторы констатируют: «На наш взгляд, в источниках нет данных, позволяющих ставить знак равенства между «юэчжи Чжаову» и кушанами («большие юэчжи»). Не подтверждает это и анализ тамг правителей. Поэтому происхождение династий Самарканда, Бухары и Хорезма от «юэчжи дома Чжаову» не означает их кушанского происхождения» [Вайнберг, Новгородова. 1976. С.70]. Если принять во внимание, что большинство исследователей склонно считать юэчжи «Большой орды» (кушан) — тохарами, то из приведенного выше заключения вполне недвусмысленно следует, что так называемые «юэчжи Чжаову», завоевавшие согдийские оазисы, — не тохары! Но тогда кто же они и откуда пришли в Согд?..

Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородова дают на этот очень непростой вопрос исчерпывающий ответ: «... Сходство тамг Юго-Западной Монголии, Средней Азии и Северного Причерноморья вряд ли можно признать случайным, оно, несомненно, отражает родство племен (родов), их оставивших, а также, вероятно, и путь их расселения (передвижения). **...Часть северной волны кочевников (условно назовем ее сарматской) осела в оазисах Средней Азии или на их окраинах и дала правящие династии Хорезму, Бухаре и Самарканду** [подчеркнуто мной — Н.Л.]» [Вайнберг, Новгородова. 1976. С.71-72]. В своей относительно недавней фундаментальной работе Б.И. Вайнберг специально подчеркнула, что политическое влияние в регионе согдийских оазисов распространялось с севера на юг, (а не с юга на север, как это представляется Т.А. Габуеву), что нашло свое отражение в символике согдийских монет [Вайнберг. 1999. С.274].

Обратим внимание на довольно показательное совпадение: в государственной системе Кангюя, так же как и в Усунь, высший титул знатности назывался *сихоу* [Боровкова.2001.С.311]. Среди народов Восточной Скифии

только асы Усуни и аланы Кангюя именовали свою знать этим термином (в китайской транскрипции). Вряд ли такое совпадение важнейшей политической титулатуры является случайным. В этой связи можно привести еще один любопытный пример. В поздней китайской летописи «Суй шу» («Хроника государства Суй», 581-618 гг.), составленной историком Вэй Чжэном в VII в., есть любопытное упоминание об Аланьми – князе кангюйского владения Му [Бичурин. 1950. Т.II. С.287]. В имени князя любопытен последний слог – «*ми*». Именно так в китайской транскрипции оканчивается большинство имен усуньских (асских) царей: Наньдоуми, Ними, Цылими, Синми, Вэньгуйми и т.д. Как указывает Э. Пуллиблэнк, слог «*ми*», возможно, имел у усуней значение титулярного завершения, аналогичного по смыслу китайскому «ван» – «царь, правитель» [Pulleyblank. 1970. P.158].

Таким образом нет оснований, на наш взгляд, для утверждений о равнозначности асской (усуньской) и юэчжуйской (тохарской) этнических составляющих в процессе складывания ранней аланской этносоциальной системы. Изначально и, по всей вероятности, до конца аланской этнической истории первичным генетическим базисом алан несомненно оставался асский (усуньский) этнический монолит, сформировавшийся в главных своих чертах в предгорьях Монгольского Алтая и на просторах Кобдинской степи.

Глава IV. Сармато-аланское завоевание Великой Скифии.

§1. Скифское государство рубежа IV-III вв. до н.э. и этапы сармато-аланской этнополитической экспансии на земли Великой Скифии. Политическая история государства европейских скифов издавна привлекала к себе самое пристальное внимание исследователей. Несмотря на разноречивые оценки конкретного событий скифского этногенеза и причин гибели Скифии как политического объединения, абсолютное большинство исследователей едины в том, что на IV в. до н.э. приходится финальный и высочайший пик в развитии скифской кочевой империи [См. обзор проблемы: Мурзин, Ролле. 2000].

Обширные земли скифской кочевой империи – Нижний Дон, Приазовье, Северная Таврия, Днепро-Днестровское междуречье и прилегающие более материковые территории, включая зону лесостепи на севере – приобрели к концу IV века до н.э. черты весьма процветающего и неплохо организованного государственного пространства, населенного энергичным и трудолюбивым сообществом народов. Земледельческое население береговой полосы Понта, представленное аморфным конгломератом греков и оседлых варваров, из которых наибольший социально-политический вес имели таврские и синдомеотские племена, находилось под протекторатом кочевых и полукочевых скифов, занимавших своими кочевьями всю степную зону Причерноморья.

Увеличение доли оседлых соплеменников в общей структуре скифского общества (прежде всего почти повсеместный переход к оседлости влиятельной скифской знати), строительство постоянных поселений, рост торгового оборота с греческими полисами береговой черты Понта – все эти факторы способствовали резкому усилению эллинизации верхушки скифского общества в IV в. до н.э. Этому процессу способствовало усиление экономической

мощи греческих полисов Северного Причерноморья, которое явилось неожиданным следствием Пелопонесской войны между Афинами и Спартой. В результате разгрома Афин в этой войне сельское хозяйство Аттики было разорено, а цены на средиземноморский (в основном египетский) хлеб резко выросли. Поэтому доставка хлеба с северопонтийских берегов в Афины, и вообще в Грецию, стала важнейшим видом коммерческой деятельности, и понтийские греки резко увеличили не только собственное производство зерна, но и его закупки у местного варварского земледельческого населения. Вследствии этого сельскохозяйственная отрасль северопонтийских полисов достигла небывалого доселе расцвета: по свидетельству Демосфена при боспорском царе Левконе I из Боспора в Афины ежегодно поступало около 400 000 медимнов (примерно 1 млн. пудов) товарного хлеба [Demosth. adv. Lept., 32].

Несмотря на значительные трещины, которые с разных сторон прошли по фундаменту скифского этнического и государственного здания, Великая Скифия эпохи Атея была вполне полнокровной и могучей державой. Резко усилилась централизация государственной власти. Активная и целенаправленная внешняя политика, ориентированная в основном на западный геополитический вектор, позволила раздвинуть пределы страны вплоть до Добруджи, сокрушить или по крайней мере существенно ослабить военный потенциал западных приграничных племен трибаллов и фракийцев [Polyaen. Strateg. VII. 44, 1]. Началась чеканка собственной скифской монеты, вероятно, не столько от необходимости в ней, сколько из соображений государственного престижа. Активизировалась разработка идеологической доктрины божественного происхождения царской власти, что по мнению исследователей, убедительно свидетельствует о центростремительных тенденциях в политической структуре скифского социума, об устойчивом росте военного потенциала и международного влияния Скифской державы [Граков. 1950. С. 12; Хазанов. 1975. С. 244].

На рубеже IV-III вв. до н.э. спокойное и благополучное течение скифской государственной жизни было неожиданно нарушено. Из восточных степных районов Поволжья, Волго-Донского междуречья на территорию вчера еще грозной державы скифов стали все чаще прорываться боевые отряды доселе неведомых степных варваров [Клепиков, Скрипкин. 1997. С.38]. Под безудержным напором этих пришельцев ближе к середине III в. до н.э. стала все громче трещать, а затем рваться линия скифских порубежных дозоров в Нижнем Подонье – самой уязвимой точке восточной границы Великой Скифии [Максименко. 1997. С.47]. Здесь располагались наиболее удобные и кормные пастбища для зимовки скота и поэтому неслучайно главный удар новые завоеватели наносили именно сюда. Важно отметить, что одновременно в степной зоне Подонья исчезли погребальные «царские» курганы скифской знати и прекратили использоваться по назначению старые родовые кладбища скифов [Полин. 1992. С. 33 сл.].

Схожая картина всеобщего запустения земель, гибели людей и почти мгновенного угасания давно обжитых поселений наблюдается в первой

половине III в. до н. э. и на северном фланге сарматского натиска на Великую Скифию. Раскопки Семилукского городища на Верхнем Дону дали потрясающую картину жестокого разгрома этого лесостепного скифского поселения. В котлованы заброшенных жилищ и хозяйственные ямы было сброшено не менее 70 человек, погибших практически одновременно. Случайные, хаотические позы человеческих костяков отражают процесс погребения: погибших хоронила, вероятно, очень небольшая группа (возможно всего несколько человек) уцелевших соплеменников. Трупы погибших скифов были, вероятно, обобраны завоевателями, по крайней мере, складывается впечатление, что их хоронили без одеяний и личных украшений [Медведев. 1997. С. 51-56].

Массовая гибель людей в конце скифской эпохи была установлена археологами также и на Коломакском городище на Ворскле. Это скифское поселение подверглось страшному разгрому. Убитые скифы остались лежать в тех позах, в которых их застала смерть – большинство погибших, общим числом около пятидесяти, уцелевшие жители не успели (или не смогли) похоронить. На Коломакском городище также польхал пожар: найдены убитые или заживо сгоревшие в жилых постройках. В костяках погибших людей застряли бронзовые и железные наконечники стрел, много наконечников обнаружено и в культурном слое. В.Е. Радзиевская, осуществлявшая раскопки этого городища, считает причиной его гибели нападение сарматов [Радзиевская. 1979. С. 293; Она же. 1992. С. 178]. Вероятно, именно сарматские боевые дружины стали виновниками уничтожения на рубеже III в. до н. э. Кнышевского городища в верховьях Псла и Пекшевского городища на реке Воронеж [Гавриш. 1995. С. 136; Медведев. 1990. С. 174]

Сарматское наступление на Великую Скифию отличалось изначальной, возможно исторически случайной, но оттого не менее эффективной военной целесообразностью. Воюя против скифов и усматривая именно в них своего главного противника, сарматы до поры почти не трогали поселений эллинов и тесно связанных с ними оседлых варваров. В то же самое время как скифские кочевья методически истреблялись и опустошались, греческие полисы и варварские земледельческие поселки практически не ощущали на себе тягот военного времени. Создается впечатление, что в этот период сарматы вполне сознательно пытались разобщить два главных системообразующих этноса Великой Скифии: греков и скифов. Следуя этому принципу, они проявляли величайшую лояльность и дружелюбие к одним и величайшую жестокость и нетерпимость к другим. Материалы археологических раскопок, подтверждая этот удивительный факт, свидетельствуют, что как раз после изгнания с политической арены скифской кочевой элиты строительная и хозяйственная деятельность жителей греческих полисов и варварских земледельческих поселений, большей частью совершенно не укрепленных, достигает своего максимума [Виноградов. Марченко. Рогов. 1997. С. 99]. Период этого последнего яркого цветения земледельческой Скифии был очень недолг – не более 40-50 лет.

Тревожное время последних десятилетий III в. до н.э. ознаменовалось вторым (завершающим) этапом сарматского завоевания Великой Скифии.

Внезапная и почти одновременная гибель подавляющего большинства стационарных сельских поселений эллинов и оседлых аборигенов стала прологом к последующим опустошительным набегам языго-роксоланских орд из их Волжско-Донской цитадели, на долгие годы превративших большинство районов Северного Причерноморья в зону постоянных конфликтов, грабежей и военных столкновений [Маслеников. 1988. С. 207; Марченко К.К. 1996. С. 71].

В отличие от сжигаемой в пламени военных пожарищ широкой прибрежной полосы Северного Понта, жизнь многочисленных (в том числе и оседлых) племен на главном плацдарме сарматов в Подонье отмечена завидной стабильностью, спокойствием и размеренной хозяйственной деятельностью – сарматы не грабили, а защищали ставшую им родной землю [Виноградов. Марченко. Рогов. 1997. С. 101-103]. В первой половине II века до н.э. аналогичная ситуация, характеризующаяся вначале медленным, а затем все более быстрым улучшением военно-политического климата, возникает и в Днепро-Донском междуречье.

Это умиротворение новых обширных территорий бывшей Великой Скифии напрямую связано с вхождением этих земель в зону военно-политической ответственности сарматов, т.е. с превращением Скифии в Сарматию. И действительно, реальное хозяйственное освоение сарматами запустевших за III век до н.э. степных пастбищ Северного Причерноморья начинается, судя по археологическим материалам, примерно с середины II в. до н.э. [Мордвинцева. 1996а; Ростовцев. 1993; Щукин. 1994. С. 145 сл.]. Рука об руку с началом хозяйственного использования сарматами новых завоеванных территорий идет процесс установления новых же протекторатных взаимоотношений между ними и греческими полисами региона, изнемогающими от политического безвластия в Степи и связанного с ним произвола многочисленных разбойничьих шаек. Как отмечает К.К. Марченко, установление жесткого порядка в причерноморских степях и, соответственно, возрождение стационарной жизнедеятельности на сельских территориях северопонтийских греческих полисов началось с востока, с земель, подвластных Боспорскому царству и было связано с постоянным размещением сарматских кочевий в Северном и Северо-Западном Приазовье [Марченко К.К. 1996. С. 74 сл.]. Стабилизация военно-политической обстановки под протекторатом сарматских племен быстро наступила и в Северной Таврии, благотворно сказавшись на политическом статусе и хозяйственной деятельности Херсонеса Таврического. Политические события рубежа III-II вв. до н.э., произошедшие в Крыму, по-видимому, достаточно типичны для всей зоны бывшей Великой Скифии в указанный исторический период.

К первому десятилетию II века до н.э. сарматское завоевание державы скифов победоносно завершилось – Великая Скифия, через неизбежный период хаоса и запустения, превратилась в Великую Сарматию – огромное этнополитическое сообщество восточноиранских кочевых племен и подвластных им оседлых народов, политическая воля и социальная энергия которого фокусировалась и направлялась сарматской военной элитой. Остатки

разгромленных скифских родов постарались укрыться за более-менее труднопреодолимыми естественными рубежами: за Дунаем – в Добрудже и за Перекопом – в Крыму, где сумели создать территориально очень ограниченные, этнически консолидированные и политически устойчивые государственные образования. Еще одну цитадель скифам удалось сохранить за собой в низовьях Днепра, где они отгородились от Степи постройкой не менее 16 укрепленных центров – городища Гавриловское, Козацкое, Золотая Балка, Любимовское и другие [Абрамова. 1962; Вязьмитина. 1972; Погребова. 1958; Дмитриев и др. 1961]. Разнообразие природных условий (обширные пастбища и леса в низовьях Днепра, степной ландшафт и лесистые предгорья в Крыму), а также наличие развитой ремесленной инфраструктуры (именно на Нижнем Днепре находилось огромное Каменское городище – столица Атея) позволили скифам создать замкнутый хозяйственный комплекс, укрепить и еще около трехсот лет – в период своей этнической «золотой осени» – играть более-менее самостоятельную политическую роль в региональной истории Причерноморья [Мурзин, Ролле. 2000. С. 216-219]. Их прежнее господствующее военно-стратегическое значение в Северном Причерноморье наследовали языги и роксоланы, охватившие своими кочевьями все междуречье Днепра и Дона, а также берега Меотиды [Максименко. 1998. С. 165]. Передовая часть орды языгов (по Птолемию: языги-метанасты «переселенцы») вышли к водоразделу между Дунаем и Тиссой [Ptol. III, 5. Карта VIII, 1]. Отныне и вплоть до конца I в. н.э. этот сармато-аланский союз становится ведущей военно-политической силой иранских кочевников в Европейской Сарматии.

§2. Сираки: этническое происхождение и политическая история. Этническая идентификация сираков, несмотря на давнюю историю изучения, по-прежнему является одной из наиболее дискуссионных проблем современной сарматологии. Эта проблема, представляющая значительный научный интерес с точки зрения античной этногеографии, ещё более любопытна своей сугубо исторической составляющей: определением подлинного военно-политического значения сиракского союза племён в истории Северного Причерноморья в период III в. до н.э. – I в.н.э. В отношении сираков долгое время существовал (а в известной степени существует и донныне) своего рода добросовестный исследовательский «перегиб» — когда очень скромному этническому явлению регионального характера придаётся значение почти глобального этнологического феномена, якобы имеющего особую судьбоносность для всего северопонтийского пограничья античной ойкумены.

Следует подчеркнуть, что детальное ознакомление с нарративными источниками и археологическими материалами, связанными с сираками, невольно подводит к выводу, что это племя только очень условно можно именовать сарматским. Сираки — это скорее уцелевший в прикубанских и предкавказских степях осколок западных савроматов, подвергшийся вначале сильной метизации, а затем этнической аннигиляции в сармато-аланской среде.

В своё время Ю.М. Десятчиков предпринял попытку доказать, что сираки являлись носителями раннесарматской (прохоровской) культуры [Десятчиков.

1974. С.7]. Однако, как справедливо указал И.И. Марченко, эта попытка должна быть признана неудачной, ибо приведённые Ю.М. Десятчиковым археологические факты не могут трактоваться однозначно [Марченко И.И. 1996. С.115]. Проведённое другим исследователем комплексное сравнение всех опубликованных сиракских погребений по ряду элементов обряда (ориентировка, положение рук и ног, местонахождение напутственной пищи и т.д.) с меотской погребальной практикой, а также с широким спектром раннесарматских (прохоровских) и савроматских памятников, также не подтвердило выводов Ю.М. Десятчикова. Было отмечено существенное различие между анализируемыми сиракскими и прохоровскими погребениями, и, напротив, сходство между первыми и погребениями савроматов [Ждановский. 1990. С.37].

В.Б.Виноградов в своей капитальной монографии детально исследовал все упоминания о сираках в античных нарративных источниках (что освобождает нас от необходимости подобного анализа) и пришёл к важнейшему выводу о прямой генетической связи сираков и савроматов. Исследователь подчёркивает, что сираки сохранили не только древние досарматские традиции, но и остались верны своему древнему этническому наименованию – «савроматы» [Виноградов. 1963. С.148]. В связи с этим важно подчеркнуть, что в среде сиракской политической элиты по-видимому целенаправленно культивировалась этногенетическая легенда о родстве этого племени с савроматами, которая со временем стала официальной «родословной» племенной верхушки. Как считает И.И. Марченко, именно племенная элита сиракского союза культивировала в собственном народе этнополитическое противопоставление савроматов и сарматов, которое отмечается в письменных источниках [1996. С.115-116].

В одном из наиболее достоверных текстов в «Естественной истории» Плиния читаем: **«В тылу его [города Питиунта – Н.Л.] в Кавказских горах живет сарматский народ Епаригиты, а за ним Савроматы. К последним бежал Митридат при императоре Клавдии. Он рассказывал, что в соседстве с ними живут Талы...»** [Plin. VI. 16]. Речь идет, конечно, о боспорском царе Митридате VIII, свергнутом с престола императором Клавдием и бежавшим к сиракам за военной помощью. Будучи уроженцем Боспора, Митридат хорошо знал народы, живущие вблизи от боспорской столицы Пантикапея, и, разумеется, сираков, среди которых он жил несколько лет, а затем вместе с ними сражался против армии Юлия Аквилы. С учетом этого обстоятельства сообщение Плиния о савроматах – сираках приобретает, как нам кажется, особое значение.

Этнополитическая история сираков с момента раннего появления сарматских орд на границах Великой Скифии может быть реконструирована следующим образом.

Кочевые сираки были западной ветвью савроматских племен (савроматы Геродота) и до прихода сармато-алан обитали там, где локализует их Скилак Кариандский, а именно – на левом берегу Дона, там где «начинается Азия» [Scylac. 70]. Когда в конце IV – начале III в. до н.э. к границам

Скифии приблизился сарматский миграционный вал, первыми, кто почувствовал на себе мощь его губительных ударов оказались савроматы [Виноградов. 1965. С.111]. Именно они стали теми «поголовно истребляемыми побежденными», после уничтожения которых большая часть Восточной Скифии превратилась в пустыню [Diodori Bibl. II, 43, 7]. Острие главной миграционной подвижки сарматских орд было, вероятно, направлено по правобережью Сала к Дону, где выше устья Северского Донца, на участке, прилегающем к станице Константиновской (нынешний Константиновск), еще в начале 19 века существовали броды, вполне пригодные для переправы больших масс конницы и скота. Савроматы-сираки, занимавшие своими кочевьями левобережье Сала – обширные пастбища Сальско-Маньчского междуречья, сумели спастись от побоища, вовремя уйдя на южные склоны Сальско-Маньчской гряды, а затем прикрывшись в то время многоводным Маньчем и протяжённой цепью топких болот вдоль его русла. Роль Маныча (точнее разветвлённой системы озёр и болот вдоль русла этой реки) как рубежа, на котором остановилась сармато-аланская миграция первой волны, трудно переоценить. А.С. Скрипкин, исследуя период раннеаланских миграций, также отмечает именно это – пограничное – этногеографическое значение Маныча, ставшего на какое-то время серьёзным естественным препятствием на пути продвижения ранних алан на юг [Скрипкин. 2000. С.218-219].

Таким образом, став **«беглецами из среды живущих выше народов»**, сираки, превратившись по существу в реликтовый осколок некогда многочисленного савроматского этноса, уцелели, но были навсегда заперты в пределах довольно ограниченного по степным меркам Маньчско-Кубанского анклава.

Бегство сираков предопределило мирный характер их этнических контактов с местным синдо-меотским земледельческим населением, ибо в противном случае сиракам угрожала страшная участь оказаться между сарматским молотом и меотской наковальней. Успеху этой межэтнической интеграции, вероятно, немало способствовала и ясная оценка меотами всех выгод сиракского оборонительного щита, воздвигнутого волею исторических судеб на общем для них севере. Эта цепь укрепленных городищ, проходившая по северной и восточной границе сиракского этнического ареала, вряд ли была способна сдерживать серьёзный натиск восточных кочевников, если бы таковой последовал, но поскольку целенаправленного наступления не предпринималось, этой линии обороны было вполне достаточно для сдерживания эпизодических набегов разрозненных сарматских отрядов [Виноградов. 1963; Щукин. 1994. С. 205-206]. Политическая элита сарматов, увлеченная борьбой со скифами и распространением своего протектората над поселениями и городами земледельческого населения Северного Понта, вплоть до 49 г. н. э. все-таки не интересовалась судьбой весьма тесного для ее завоевательных амбиций сиракского анклава. Предоставленные сами себе и стиснутые между болотистых долин Кубанско-Маньчского междуречья сираки все органичнее воспринимали земледельческую культуру меотов и все быстрее переходили к оседлому образу жизни. На этот процесс, вероятно, указывает Страбон,

отметивший, что некоторые сиракские племена занимаются земледелием: *«одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием»* [Strabo. XI, II, I]. В таком промежуточном полуоседлом состоянии засталя сираков первая собственно аланская волна, пришедшая в Предкавказье в середине I века до н.э.¹ Один из передовых отрядов этой миграции дошел до Северо-Западного Предкавказья [Каминский. 1989]. Здесь, в относительно сухих степях Лаба-Кубанского междуречья эти аланы оставили удивительные своими алтайско-монгольскими инновациями памятники «зубовско-воздвиженской группы» [Раев. Яценко. 1993].

Последствия сирако-аорской войны 49 г. н.э. отнюдь не стали причиной глобальных изменений в этнократе Сарматии в I в. н.э., – прежде всего ввиду сугубо регионального значения сиракского этнополитического фактора [Скрипкин. 1997. С.25, 73]. Подлинно глобальное значение для судеб Европы могли иметь в указанный исторический период только значительные перемещения сармато-аланских орд, в первую очередь собственно аланов, уже находящихся в прямом соприкосновении с восточными форпостами античного мира.

Изгнание сираков в I в. н. э. с правобережья Кубани, а ранее из Терско-Сунженского междуречья нашло свое специфическое отражение в новом изменении укоренившегося за несколько прошедших веков погребального обряда. На смену широтному сиракскому обряду захоронения приходит пестрота и разнообразие погребальных ритуалов. Абсолютное доминирование получают диагональные и подбойные могилы, катакомбные и впускные в курганы захоронения с меридиональной ориентировкой костяков, которые не оставляют сомнения в их сармато-аланском происхождении [Виноградов. 1965. С. 119]. Аланы быстро осваивают кубано-кавказский анклав и включают эти территории в свой военно-политический союз с центром в низовьях Дона. Эти новые владельцы сиракских земель, счастливо избежав превентивного удара легионов Нерона, на протяжении почти трёх столетий сохраняют за собой значение фундаментального геополитического фактора на востоке Европы.

§3. Военные акции языгов в Северо-Западном Причерноморье (к вопросу о сайях царя Сайтафарна и сарматах царских). Хронологический рубеж выхода сарматских кочевых орд к западным границам Великой Скифии, равно как и вопрос распространения сарматского политического протектората на греческие полисы Северо-Западного Причерноморья являются во многом неясной и спорной проблемой современной сарматологии. Как справедливо подчеркивается в одном из последних по времени и весьма обстоятельном исследовании, – «сложность решения этой проблемы заключа-

---

¹ В определении хронологических рамок «зубовско-воздвиженской группы» до сих пор не достигнуто единство научных взглядов. К.Ф. Смирнов определял нижнюю дату памятника в пределах III-II в. до н.э. [Смирнов. 1952. С.14]. И.Н. Анфимов и Л.Ю. Березовская относят «зубовско-воздвиженскую группу» к I веку до н.э. [Анфимов. 1985; Березовская. 1989]. Однако убедительнее всех иных выглядит датировка И.И. Марченко, привлечшего для своего анализа комплексный археологический материал. См. подробнее: Марченко И.И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э.-III в. н.э. – Автореф. канд. дис., Л., 1988.

ется в явном противоречии данных античной письменной традиции и эпиграфики с археологическими материалами, имеющимися в нашем распоряжении» [Дзиговский. 2003. С.7]. Действительно, если археологические материалы свидетельствуют как будто о том, что реальное хозяйственное освоение сармато-аланами этого региона Причерноморья началось не ранее второй половины I в. до н.э., то данные эпиграфики, в частности ольвийский декрет в честь Протогена, позволяют соотнести приход сюда сарматов уже со временем, близким концу III в. до н.э.

Следует отметить, что «царских сарматов» знают лишь два античных источника: Страбон [VII.3.17], который очевидно помещает это словосочетание в качестве эпитета к языгам, и Аппиан – в чьих «Войнах с Митридатом» царские языги упоминаются лишь мимоходом [App.72]. Столь узкая нарративная база не мешает однако некоторым исследователям активно использовать гипотезу Ф.А. Брауна в разработке важных вопросов сарматологии [Браун. 1899. С.90-92; Harmatta. 1970. P.11; Мачинский. 1971. С.47-48; Симоненко, Лобай. 1991. С.76 сл.; Исмагилов. 1993].

Согласно этой версии, главным научным базисом сармато-аланского отождествления являются соображения лингвистического порядка. Некоторые исследователи, вслед за Ф.А. Брауном, считают, что иранское *xsaja* означает «царь» и его синонимы (у Брауна «властитель, герой» от зенд. *Xsaya*), а раз так, то и все лингвистические производные от этого слова должны связываться «с некой «царской» группой ираноязычного населения («царские скифы», «царские сарматы»)). Далее авторы указывают, что само имя вождя Саитафарна указывает на царских сарматов. Такой вывод делается на основе констатации, что корень фарн в иранских языках означает «удача», «счастье».

Между тем при более основательном рассмотрении брауновская концепция, к сожалению, не дает ответа на многие вопросы.

Во-первых, существительное «царь» в иранских языках, а тем более сохраняющих в своей основе сильную архаичную компоненту (к последним несомненно относится сармато-аланский и его единственный живой лингвистический преемник – осетинский язык) восходит все же к некоему *xsaia*, а к древнеиранскому *xšavra* и арийскому *kšatra*, обозначавшим важный военно-социальный термин в значении «военная сила», «военная доблесть». Ближайшие лингвистические аналоги иранского корня: согдийское *xšavr* – «царский»; сакское *ksāra* – «могущество», «власть»; осетинское *xsar* – «боевая доблесть», «сила», «власть» (ср. русское «царь»). В осетинском языке приводимое адептами брауновской концепции *xsaja* ближе всего в лингвистическом смысле к числительному *xsaj* – в значении «шестьдесят» в десятичном пастушеском счете, которое в свою очередь восходит к древнеиранскому **xswasti* [Абаев. 1996. Т.IV. С.223-224].

Во-вторых, корень «саи» в сарматском языке несомненно имел лингвистическую, а значит и смысловую общность с нынешним осетинским *sajan* – «приманка», которое является отглагольным именем от *sajyn* – «обманывать», «соблазнять», «манить». Вообще, необходимо подчеркнуть красной

чертой: корень «саи (сай)» в абсолютном большинстве осетинских слов имеет вполне четкий смысловой оттенок, свидетельствующий об обмане, привороже, приманивании: *sajd* – «обман»; *sajæn* – «приманка»; *sajægoj* – «обманщик»; *sajnæ* – «обманный», «ложный» [Абаев. 1996. Т. III. С. 20-21].

В-третьих, слово *farn* (фарн) только в очень усеченном, чрезвычайно приземленном смысле может означать «удача», «счастье». По классической формулировке В.И. Абаева: *farn/farnæ* – общеиранское полурелигиозное понятие, точное значение которого трудно определить; будучи дериватом «неба-солнца», оно обозначало все то благое, источником чего древние мыслили небо-солнце: «небесная благодать», «благополучие», «преуспевание», «благопристойность», «мир», «тишина» [Абаев. 1996. Т. I. С. 421].

Совокупность этих лингвистических сопоставлений, к сожалению, не дает оснований к признанию концепции Ф.А. Брауна и его последователей. Очевидно, что корень «саи (сай)» нельзя рассматривать как прямое лингвистическое производное от древнеиранского «царь», а следовательно племя саев декрета в честь Протогена никоим образом не может быть тождественно этнониму «сарматы царские». Также бесспорно, что имя «Сайтафарн» не может означать в дословном переводе «царь удачи – царь счастья», как это явствует из разъяснений некоторых исследователей [Блаватский. 1975. С. 45; Симоненко. Лобай. 1991. С. 77]. «Сайтафарн» – скорее можно перевести как «приманивший небесную благодать», «приманивший благополучие», «ловец благополучия». Не исключено, что веселые и дерзкие сарматские пассионарии просто посмеялись над испуганными греками, заранее договорившись между собой о финальном разграблении окрестностей Ольвии. Приняв от спешно прибывшего в Канкит греческого посольства первую очередь даров, они с издевкой объявили эллинским толмачам, что их самих зовут *sajægoj* (осет.) – «обманщики», а их вождя – *Сайтафарн* («ловец удачи», «ловец благополучия»).²

Таким образом, есть достаточно оснований предполагать, что «саи», прошедшие огнем и мечом окрестности Ольвии, несмотря на все золото ольвиопольского толстосума, это несомненно сарматы царские, если под ними понимать хорошо известное племя сарматских завоевателей – языгов. Подтверждение этого вывода находим у Аппиана (II в. н.э.), в его реплике о том, что когда Митридат Евпатор «перешел в Европу (то присоединились) из савроматов так называемые царские языги» [Апп. 72].

Любопытно, что античные авторы, имевшие возможность близко познакомиться с аланами, достаточно часто в зависимости от контекста повествования называют их языгами. Например, Дион Кассий при описании переговоров вождя алан и царя иберов Фарасмана в Риме называет алан языгами.

---

² Не будучи специалистом в области иранского языкознания (и, к сожалению, не владея осетинским языком) я обратился за консультациями по поводу вышеуказанных интерпретаций к доктору исторических наук, профессору Р.С. Бзарову (Владикавказ, Северо-Осетинский государственный университет). Профессор Р.С. Бзаров, которому я приношу свою благодарность, подтвердил возможность предложенных интерпретаций слов «саи» и «Сайтафарн» на основе лингвистики осетинского языка.

[Dio. 39. XIX.15]. Во всяком случае, можно уверенно утверждать, что именно языги – царские сарматы (т.е. сарматы, находившиеся под властью своего этнического царя), возглавлявшие на протяжении многих веков авангард сармато-аланского суперэтноса в его движении к западу, могли находиться в исходе III в. до н.э. в окрестностях Ольвии на берегу Буго-Днепровского лимана. Как нам представляется, отождествление сайев царя Сайтафарна с языгами встречает гораздо меньше противоречий, нежели признание сайев еще одним этнически субъектным (и, кроме декрета в честь Протогена, совершенно неизвестным античным источникам) сарматским племенем.

§4. Военно-политические союзы сармато-аланских племен в период финальной дезинтеграции Великой Скифии: вопросы географической локализации и этнической основы. В 179 г. до н.э. ряд припонтийских государств и правителей, в число которых вошли сарматский царь Гатал и Херсонес, заключили между собой договор дружбы, значительно укреплявший стратегические позиции каждого из участников союза. В том же году аналогичный договор был заключен между Херсонесом и царем Понта Фарнаком I [IOSPE. I². 402. См.: Щеглов. 1978. С. 130-131]. Весьма вероятно, что гарантом этих договоренностей выступали сарматы, вновь выполнившие свой союзнический долг в отношении Херсонеса [Пуздровский. 2001. С. 90]. Первым же союзническим актом такого рода стали, по-видимому, военные действия сарматской царицы Амаги против крымских скифов, систематически притеснявших Херсонес [Сапрыкин. 1976. С. 56; Зайцев. 1995. С. 77-88]. Примечательно, что Полибий, сообщая о заключении вышеупомянутого межгосударственного пакта, называет Гатала одним из владык Европы, что убедительно доказывает значительную военную силу царя сарматов и обширность его владений [Polib. XXV. 1.12].

С.В. Полин и А. В. Симоненко высказали сомнение в реальности исторического бытия царицы Амаги, образ которой они считают легендарным. Исследователей не убеждает даже мнение на сей счет М. И. Ростовцева, предполагавшего, что Амага является реальным историческим персонажем, а сведения о ней восходят к Филарху, описавшему события 272–220 гг. до н.э. [Ростовцев. 1915. С. 58-78; 1925. С. 137-138]. К сожалению, исследователи не привели в обоснование своей точки зрения сколько-нибудь весомые аргументы, ограничившись декларативным заявлением о наличии якобы какого-то «логического круга», в который М. И. Ростовцев сам себя и завел, сопоставив сведения об Амаге с собственными датировками времени проникновения сарматов в Скифию [Полин. Симоненко. 1997. С. 91].

Как справедливо отметил А. Е. Пуздровский, несмотря на некий оттенок легендарности сведения Полиена об Амаге столь подробны и схожи с исторической ситуацией первой четверти II в. до н. э., что позволили даже локализовать объект нападения сарматов (скифскую царскую ставку) в Неаполе (Керменчике) и связать с ними один из пожаров [Пуздровский. 1995. С. 144; 2001. С. 90-91]. Вне зависимости от конкретных датировок пожаров на главной городской площади Неаполя Скифского, которые выдвигаются разными исследователями, большинство из них исходят в своих построениях из

признания историчности сведений Полиена об Амаге [Зайцев. 1995. С. 72-79, 84; Сапрыкин. 1979. С. 56; Harmatta. 1970. Р. 19-21]. Вполне очевидно также, что если сарматское царство Амаги в Северной Таврике в начале II в. до н.э. действительно существовало, то царь сарматов Гатал в 179 г. до н.э. не мог не учитывать его интересов и был, скорее всего, законным правопреемником воинственной царицы.

Некоторыми исследователями высказывалось предположение, что территориальным ядром царства Гатала являлся Северный Кавказ [Берлизов, Еременко. 1998; Ждановский, Марченко. 1988]. Этот вывод сделан на основании серии находок среднелатенских фибул, хронологически как будто бы соответствующих времени царствования Гатала. Они найдены в сарматских погребениях у ст. Хоперской, в Нижне-Джунатском могильнике, при раскопках Чегемского кургана [Абрамова. 1972; Игнатов. 1986; Керевов. 1985]. Однако, учитывая несомненный факт, что становища скифов – главного врага Херсонеса – располагались на расстоянии не далее 80 километров от стен города, трудно дать логичное объяснение: что могло привлечь херсонеситов в военно-политический союз государств, в котором один из союзников находился на расстоянии 400 км за морем, а другому, чтобы добраться до Перекопа, необходимо было преодолеть не менее 1000 км степей, форсировать Маныч, Дон, Миус и еще несколько десятков более мелководных рек?

Кроме того, предположение об этнополитическом центре царства Гатала на Кавказе противоречит прямому указанию Полибия, что этот сарматский царь являлся «одним из владык Европы» [Polib. XXV. 2. 12]. Если вспомнить, что по мнению античных географов Азия начиналась за рекой Танаис (Дон), становится очевидным, что Полибий предполагал местонахождение царства Гатала в междуречье Днепра и Дона, т.е. там, где в указанное историческое время располагались кочевья роксолан [Strabo. VII. 3. 17]. В этом случае в Гатале логично увидеть прямого преемника царицы Амаги, возможно ее сына, брата или иного близкого родича.

С.В. Полин попытался преодолеть имеющееся противоречие между версией о локализации царства Гатала на Кавказе и приведенным выше указанием Полибия. Исследователь предположил, что Полибий руководствовался уже устаревшими к его времени представлениями ионийских географов, согласно которым северная граница Азии проходила по линии Фазис – Каспий – Арал – Сырдарья. Благодаря такому построению оказывалось, что Танаис (Дон) и Северный Кавказ попадали в пределы античной Европы и Гатал с полным основанием мог именоваться европейским владыкой [Полин. 1989].

Как нам представляется, указанная версия С.В. Полина несколько искусственна, поскольку подозревая в Полибии географическую невежественность, совершенно не учитывает личность этого античного историка. Полибий отнюдь не принадлежал к кругам провинциальных самоучек, творивших свои летописи между прочим дел. Будучи сыном влиятельного политического деятеля Ахейского союза, командующим ахейской конницей, действующим политиком, Полибий получил фундаментальное по тем временам образова-

ние, а его политическая деятельность несомненно способствовала дальнейшему приобретению новейших знаний. Наконец, сама интеллектуальная концепция научных трудов Полибия, признающая важнейшее значение в развитии исторических процессов не только великих личностей, но и условий географической среды, как будто не свидетельствует о желании этого выдающегося историка пользоваться в своей работе устаревшими географическими представлениями ионийских греков.

М.Б. Щукин, анализируя с археологической точки зрения обоснованность географической локализации царства Гатала на Северном Кавказе, отмечает, что ход эволюции среднелатенских фибул у малоазийских галатов мог отличаться от европейского, поскольку у первых имеется ряд специфических форм – среднелатенские, сочетающие восьмерки и спирали с треугольным копьевидным расширением ножки, «неапольские» с многовитковой подвязкой, «псевдораннелатенские» со свободным концом ножки, вероятно, имевшие некогда подвязку из органического материала. Отмечая, что территория самой Галатии археологически совсем не изучена, а находки указанных фибул на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье довольно немногочисленны, ученый приходит к выводу, что еще не существует реальной возможности для разработки обоснованной типологии и точной датировки малоазийских фибул в пределах II-I вв. до н.э. «Поэтому трудно определить, – завершает свои размышления известный археолог, – какие конкретно находки можно связать с деятельностью Гатала, а какие с последующими событиями времени Митридата Евпатора и его сына Фарнака» [Щукин. 1994. С. 139].

Отмеченные выше обстоятельства значительно усиливают гипотезу о местонахождении этнополитического центра сарматского царства Гатала в Подонье и ее роксоланской этнической основе. Вблизи Меотиды роксоланские погребения фиксируются, по-видимому, у с.Васильевка, в курганах 2 и 3 могильника Аккерман I на р. Молочной, у хутора Шевченко. [См.: Смирнов. 1984. Рис. 43, 44 (II). С. 93-94; Максименко. 1983; Костенко. 1983].

§5. Военно-политический статус раннесарматских племен II в. до н.э. – I в. н.э. Проблема определения подлинного военно-политического веса ведущих раннесарматских племен давно привлекает к себе внимание исследователей. Исключительно важен военно-стратегический аспект этой проблемы, вне которого трудно оценить международные отношения в бассейне Черного моря в древности. Кроме того, от верного определения этнополитического статуса племен ранних сарматов зависит многое как в общем осмыслении процесса развития сармато-аланской культурно-исторической общности, так и в трактовке конкретных существенных вопросов данной проблематики, в первую очередь имеющих отношение к процессу завоевания сарматами Великой Скифии и последующему постепенному превращению конгломерата различных сармато-аланских субэтносов в этногенетически единый аланский этнос.

Масштаб территориальных захватов роксоланского племенного объединения и донских аорсов попросту несравним: к началу I в. до н.э. роксаланы обладали территорией, существенно превосходящей по площади этнический

ареал аорсов. Прочность политической структуры роксоланского племенного союза в сравнении с аорсами столь же превосходна: с конца II в. до н.э. и до II в. н.э. роксоланы были ведущей политической силой кочевников Европейской Сарматии от Дона и до Днестра. Племенное объединение аорсов обнаружило гораздо меньшую прочность: уже к концу I в. н.э. этот союз, видимо, начал распадаться, что логично объясняет почти полное исчезновение аорсов со страниц античных анналов после 49 г. н.э. [Максименко. 1998. С. 170, 174].

Определенный интерес для оценки реального соотношения военно-политических потенциалов роксолан и донских аорсов представляет характер этнических взаимоотношений этих племен с новым, более мощным племенным объединением – с аланами. Уже в I в. н.э. в зоне контакта с аланами в Азиатской Сарматии (т.е. в Волго-Донском междуречье) аорсская раннесарматская культура практически полностью исчезает [Симоненко. 2000. С.162]. Происходит это, вероятно, оттого, что аланы занимают территорию аорсов без соблюдения какого-либо пиетета по отношению к прежним владельцам. Пришлое аланское (среднесарматское) и автохтонное аорсское (раннесарматское) население сосуществует некоторое время чересполосно (перемежающимися друг друга этническими анклавами), а затем в смешанных поселениях [Глебов. 2000. С. 177-178]. В результате менее чем через век от аорсского населения не остается и следа – оно без остатка растворяется в среде более мобильных, воинственных и богатых пришельцев.

Иная картина наблюдается в это же время в Северном Причерноморье – в зоне этнического контакта алан с роксоланами. Здесь массив памятников среднесарматской (аланской) культуры занимает только относительно небольшую часть территории региона: Донбасс, Приазовье, междуречье Орели и Самары, района Базавлука. Только в этих районах обнаруживаются могильники (Усть-Каменка, Молочанский, Подгородненский и др.) с доминированием основных погребений в подквадратных, прямоугольных и подбойных ямах, очень схожие по обряду и инвентарю с синхронными нижнедонскими и поволжскими памятниками. Во всех остальных областях Северного Причерноморья вплоть до середины II в. н.э. продолжает доминировать погребальный обряд роксолан – ориентированные в северном секторе впускные погребения в прямоугольных ямах [Глебов. 2000. С.178; Симоненко.2000а. С.162]. Складывается впечатление, что аланские пришельцы в зоне политической ответственности роксолан вынуждены вести себя иначе, нежели на территориях, некогда подвластных аорсам, – гораздо более осмотрительно и сдержанно в социальном аспекте.

В свою очередь роксоланы, верно оценивая военную силу алан, вынуждены были потесниться и полностью очистить некоторые районы своих кочевий. Такой территориально-политический размен стал, вероятно, разумной платой за невмешательство чужаков (или, наоборот, кровных родовичей?) в социальную сферу жизни их этноса. Если принять во внимание существующие оценки роксолан как передовой части аланского этнического массива [Мачинский. 1974. С.127; Гутнов. 1999. С.83], то вполне допустимо иное объяснение

взаимной корректности этих двух кочевых этносов: аланы рассматривали роксолан как генетически родственное племя и, соответственно, как союзников. Это, впрочем, не меняет исторического финала аорско-роксоланской дилеммы I в. н.э. Аорсы к исходу этого столетия самоликвидировались как политически значимое племя. Роксоланы, напротив, продолжали жить под собственными этнополитическими знаменами еще не менее двух столетий.

Итак, наш обзор следует завершить, по-видимому, утверждением тезиса о неравнозначности военно-политического потенциала главных субъектов раннесарматской культуры – племенных объединений аорсов и роксолан. Аорсы как военно-политический субъект генезиса сарматской культурно-исторической общности подчеркнута локальны, причем как в этногенетическом и географическом, так и в военном аспектах. Их победа в войне 49 г. н.э. в союзе с римскими войсками Аквилы над сираками царя Зорсина была лишь незначительным эпизодом в цепи действительно крупных исторических событий I в. н.э. Даже Тацит, подробно рассказавший в своих «Анналах» об этом военном конфликте и склонный, как будто, к его завышенной оценке, был вынужден подчеркнуть, что у сираков Зорсина войсками победившей коалиции *«не было отнято ничего»* [Тас. Ann. XII.5]. Неслучайно А.С.Скрипкин в одной из своих работ призвал коллег к реалистической оценке этнополитических итогов сирако-аорской войны 49 г. н.э., которая не могла иметь сколько-нибудь осязаемого значения для этногенеза кочевых племен Азиатской Сарматии [1997. С.73].

Историческая миссия роксолан, достойно исполненная этим сарматским народом и в Северном Причерноморье, и у границ римского лимеса на Дунае, заслуживает совершенно иной – гораздо более высокой оценки. В Северном Причерноморье роксоланы стали долговременным, более чем трехсотлетним геополитическим фактором [Максименко. 1998. С.174, 181]. Культурологическое значение роксоланского племенного союза для степной полосы древней Европы поистине огромно. На основе местной северопонтийской роксоланской культуры при участии новых аланских мигрантов с востока во второй половине II в. н.э. сформировался своеобразный западный вариант позднесарматской культуры [Симоненко. 2000 б. С. 197]. Исторически осязаем и вклад этого народа в этногенетический базис восточных славян [Бзаев. 1995.С. 39-94].

Глава V. Аланские походы в Закавказье и Переднюю Азию I – II вв. н.э.

§1. Иберо-парфянский конфликт 35 г. н.э. и вопрос об этнической принадлежности сарматских союзников царя Фарасмана. Вся доказательная база гипотезы об аланском участии в событиях 35 г. н.э. в Закавказье по существу сводится к информации трех источников. Первый – греческий текст «Иудейских древностей» с упоминанием в событиях 35 г. аланов. Второй – латинский перевод текста того же произведения, где в тех же событиях фигурируют скифы. И третий – «Анналы» Тацита с упоминанием сарматов. Как отмечает А.С. Скрипкин, поскольку источники не дают ясного ответа на

интересующий нас вопрос, его дальнейшее рассмотрение переносится в другую плоскость – в область дискуссий [Скрипкин. 2001. С.22].

Здесь следует подчеркнуть, что абсолютизация значимости указаний Иосифа Флавия на аланское участие в событиях 35 г. н.э. – является центральным положением в системе доказательств сторонников аланской версии. Между тем вполне понятен скепсис некоторых исследователей в отношении степени информированности Иосифа Флавия, полагающих, что Тацит гораздо более твердо, нежели иудейский историк, представлял себе этнополитическую ситуацию в районе Кавказа [Симоненко. 2002. С.109]. Биография Иосифа Флавия, происходившего из рода иерусалимских раввинов, свидетельствует об особой заостренности его литературных интересов вокруг политических и конфессиональных проблем его родины, Иудеи.

Тацит, как отмечается большинством исследователей, в отличие от иудейского историка, очень щепетильно относился к достоверности приводимой им информации, стараясь в спорных случаях выверять ее по официальным источникам или снабжать специальными уточнениями [Харматта. 1969. С.145; Кнабе. 1981. С.72-73; Виноградов Ю.Г. 1994. С.159]. Таким образом, есть все основания думать, что Тацит посчитал этноним «сарматы» этнически исчерпывающим для обозначения племенной принадлежности союзников Иберии 35 г. н.э. Возможно потому, что ранее, в своем предыдущем историческом сочинении он уже детализировал конкретную племенную принадлежность сарматов. Известно, что, кроме союзников Фарасмана, Тацит указывал на сарматскую принадлежность языгов [Hist. 3.5.4; Ann. 12.29.30] и роксолан [Hist. 1.79]. В тех случаях, когда Тацит сомневался к какой группе народов отнести то или иное племя, он старался специально это отметить: *«... Отнести ли певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам, право не знаю, хоть певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов»* [Tac. Germ. 46].

При перенесении этногеографических представлений Тацита на карту Европы не возникает сомнений в том, что языги локализируются им между Паннонией и царством Ванния – на западе и Дакией – на востоке (Карта II). Сарматы же, под которыми мы, в соответствии с представлениями Тацита, должны видеть только роксолан, занимают обширнейшую степную область на севере Причерноморья от левобережья Днестра до низовьев Дона [Щукин. 1994. С.270]. Этнополитическая карта Германии и Сарматии, составленная на основе указаний Тацита, помогает понять, почему римскому историку казалось достаточным употребление термина «сарматы» без дополнительных уточняющих ремарок при описании военных действий 35 г. в Кавказском регионе. Тацит, видимо, полагал, что поскольку из-за значительной территориальной удаленности речь не могла идти об участии языгов в иберо-парфянской войне, то и дополнительная конкретизация племенной принад-

лежности сарматов Фарасмана не нужна – ими могли быть только роксоланы. Обратим внимание, что в тех случаях, когда сарматская племенная принадлежность действующего военного отряда могла быть различной (например, зимой 69 г. при нападении на провинцию Мезия – это могли быть и роксаланы, и языги), Тацит обязательно дает необходимое уточнение: «...*Роксоланы, народ сарматского племени, изрубив прошлой зимой две когорты, с большими надеждами вторглись в Мезию...*» [Tac. Hist. I.79].

Могла ли некая роксоланская орда, управляемая скептухом и кочевавшая близ устья Дона, в восточной части своего этнического ареала, совершить в 35 г. н.э. военный поход в Закавказье? Подобный военный рейд, с учетом сведений нашего основного источника – Тацита, был вполне возможен, а имеющиеся материалы археологии, на наш взгляд, не противоречат такому предположению.

Раннесарматские захоронения Северного Причерноморья, ориентированные в северном секторе, идентифицируются с роксоланами. Эта схема идентификации роксоланских памятников, насколько нам известно, не встретила принципиальных возражений специалистов [Симоненко. 1991; 2000. С.190]. Данный критерий позволил установить восточную границу археологической культуры роксолан. Она проходит в основном по правобережью Дона, захватывая левый берег этой реки только в низовье и в близлежащей к Дону части бассейнов Маныча и Сала. Недавние раскопки в этом районе выявили представительную серию ориентированных в северном секторе впускных погребений [Глебов. 1989. С.155-156; 1993]. Эти памятники обладают всей совокупностью признаков роксоланской археологической культуры: преимущественно подпрямоугольные ямы погребений, напутственная пища и инвентарь в головной части могилы, клинковое оружие с серповидным навершием, железные втульчатые наконечники стрел, В-Костшевские и «неапольские» фибулы, позднеллинистические бусы, зеркала IV типа (по Хазанову). Небольшие отличия в обряде захоронений только подчеркивают, по мнению специалистов, несомненное этногенетическое родство северопричерноморского и нижнедонского роксоланского населения [Симоненко. 2000. С.191].

Таким образом, можно предположить, что в военном походе 35 г. н.э. на стороне иберийского царя Фарасмана приняло участие войско роксоланского скептуха, центр владений которого располагался на левобережье Дона близ устья впадающей в него реки Маныч. Отсюда по картографической прямой до входа в Дарьяльское ущелье около 600 км, причем последняя треть этого расстояния – около 160 км – буквально совпадает по направлению с современной автомобильной трассой Георгиевск – Прохладный – Эльхотово – Владикавказ, т.е. идет по наиболее оптимальному (без резких подъемов и спусков) рельефу ландшафта. Первые две трети пути также лишены сколь угодно существенных препятствий для конной рати, здесь нет ни болот, ни лесов, ни крупных рек – путь лежит по слабохолмистым степям водораздела Маныча, Еи и Кубани. Был ли преодолит этот путь для конного войска роксолан? Полагаем, что да.

Как указывают в своей монографии А.В. Симоненко и Б.И. Лобай (ссылаясь на сведения коннозаводчиков С.В. Афанасьева и В.Н. Ляхова), дневной пробег лошадей монгольской породы составляет 72 км, алтайская лошадь походит 80-100 км за 15-17 часов, рекордсмен казахской породы преодолел 222 км за сутки. Исследователи указывают далее, что если принять для расчета эллинистического стадия времен Полиена расстояние в 155-160 м, то за сутки сарматы Амаги преодолели около 190 км (по Полиену они двигались одвуконь и преодолели до стен скифской столицы 1200 стадиев). Отмечая, что данные Полиена могут быть завышены, украинские археологи полагают, что реальный суточный переход сарматской конницы составлял 50-70км. В этом случае, например, расстояние от степей Нижнего Дона до Ольвии (около 700 км) сарматские всадники могли преодолеть за 10-12 дней [Симоненко, Лобай. 1991. С.78-79].

Как эти сведения можно соотнести с достоверно известными исторической науке походами роксолан?

Зимой 67/68 г. н.э. роксоланы совершили опустошительный набег в пределы провинции Мезия, уничтожив при этом две римских когорты. Судя по информации Тацита, этот военный поход роксолан закончился полным успехом [Tac. Hist. I.79]. В следующем году в Мезию пыталась прорваться уже девяти тысячная орда роксолан, однако случайное присутствие здесь Гальского III легиона, а паче – крайне тяжелые для конницы погодные условия помогли римлянам разгромить это вторжение. На этом военные рейды роксолан в Мезию прекратились, но через некоторое время были возобновлены [Лысенко. 2002. С.109-110].

Отметим, что в данном случае нас интересуют не военно-тактические аспекты этих кавалерийских рейдов, а расстояние, пройденное роксоланскими всадниками, до границ Мезии.

В первой половине I в. н.э. западная граница этнического ареала роксолан, вероятно, проходила по Днестру. В этом убеждает анализ этнокарт Плиния Старшего и Тацита, предпринятый М.Б. Щукиным [1994. С.269-270]. К аналогичным выводам приходит и Ю.К. Колосовская [2000; карта «Племена и народы Рейнско-Дунайского региона I-III вв. н.э.»]. Сдвиг роксоланской орды ближе к низовьям Дуная (к границам провинции Нижняя Мезия) произошел, скорее всего, позднее – в первой четверти II в. н.э., если не еще позже. (Впрочем, уже на рубеже I-II вв. н.э. подход вооруженной орды непосредственно к рубежам Нижней Мезии был очень затруднен: граница провинции была прикрыта между Днестром и рекой Прут двумя валами укреплений – Верхний и Нижний Траяновы валы.) Следовательно, от владений роксолан, считая линию Нижнего Днестра как границу, до наименее укрепленных дунайских рубежей провинции Нижняя Мезия (в районе устьев рек Осым и Янтра – центральная часть провинции) сарматским контофорам приходилось преодолевать не менее 500 километров по картографической прямой. На этом пути им нужно форсировать Днестр, Прут, Сирет, Яломицу, Арджеш, незаметно преодолеть десятки римских сторожевых постов [Златковская. 1951. С.24 сл.]. Неудивительно

поэтому, что свои военные набеги роксоланы осуществляли в основном в зимнюю пору – когда замерзают реки, а темное время суток существенно увеличивается. Даже нападение на наиболее близлежащий, но и сильно укрепленный нижнедунайский лимес Римской империи требовал преодоления не менее 200 км по картографической прямой.

Таким образом, становится очевидным, что 600 км пути в благоприятный сезон года по идеальному для степных коней ландшафту – не показались бы для роксоланского войска чрезмерно затруднительным делом.

Еще в 1974 году Д.А. Мачинским был сформулирован достаточно революционный для того времени тезис о роксоланах как о передовой группе аланского этнического массива [1974. С.127]. С течением времени, на наш взгляд, эта гипотеза значительно укрепилась [Гутнов. 1999. С.83 сл.; Лысенко. 2002а. С.419]. Рассматривая роксолан в качестве субэтноса аланского этнического сообщества, можно совершенно иначе сформулировать этнополитическую дилемму 35 г. н.э. Вместо вопроса: аланы или сарматы, мы зададим вопрос – какие аланы и почему именно они участвовали в данном военном конфликте? Очевидно, что подобная актуализация давно изучаемой проблемы уже означает значительный шаг вперед в постижении этнополитической истории Кавказа I в. н.э.

§2. Аланский поход 72 г. н.э. в Мидию и Армению: участники, маршрут, международная военно-политическая обстановка. Военному походу алан в 72 г. против Парфии посвящена значительная литература. Несмотря на то, что все исследователи, так или иначе затрагивавшие этот вопрос, опирались в сущности на один источник (сообщение Иосифа Флавия в «Иудейской войне», ниже мы приведем этот текст полностью), конкретные определения маршрута аланского войска, а следовательно и локализация исходного пункта этого похода трактуются очень различно. Также зачастую различно понимается и конечный результат этого военного предприятия.

К сожалению, методическая основа концепции 72 г. н.э. у некоторых исследователей в принципе внеисторична. К сведениям Иосифа Флавия почти механически прибавляется информация Моисея Хоренского, армянского хрониста V в., выдержки из древнегрузинской хроники XI–XIV вв. «Картлис цховреба», а также бессистемные, но предельно идеологизированные сюжеты из армянской раннехристианской литературы V века – житий Воскянов и Сукиасянов. При этом нужно подчеркнуть, что все три «основополагающих» для подобной методологии источника – Иосиф Флавий, Моисей Хоренский и «Картлис цховреба» – непримиримо противоречат друг другу, если их сравнивать между собой как части единого сюжетного целого.

Любопытную и во многом убедительную версию похода алан 72 г. представил в двух публикациях Н.Е. Берлизов [1991. С.24-25; 1997б. С.41-54]. Суммарное заключение исследователя по обеим публикациям состоит в следующем. В походе алан на Парфию в 72 г. был заинтересован царь Гиркании, пропустивший войско кочевников через перевал у Раг. В этом набеге участвовали аланы-саки и даи, чьи кочевья находились в Восточном Прикаспии.

пии и около протоки Узбой, названных в источнике Меотидой и Танаисом. Исследователь полагает, что подбойно-катакомбные могильники Северного Ирана – Норузмахал, Хассани-Махал, Гхалекути, Кхорамруд – оставлены не аланами 72 г. н.э., а должны датироваться более ранним временем и, возможно, связаны с участием алан в Митридатовых войнах. О походе 72 г., по мнению Н.Е. Берлизова, свидетельствуют ранние катакомбы Мингечаура [Алиев, Асланов. 1976. С.218-237].

Военно-политический аспект концепции Н.Е. Берлизова о маршруте и участниках военного похода 72 г. н.э. можно, по-видимому, принять полностью. Сложнее вопрос о конкретных этно-археологических отождествлениях. Так, например, развернутая критика (с которой трудно не согласиться), касающаяся датировок среднеазиатских материалов была опубликована Б.А. Заднепровским [1994]. Столь же обоснованной критике была подвергнута и «скифская» часть этнологических построений исследователя, причем на довольно широком археологическом материале [Абрамова. 1997. С.34-40]. Что же касается конкретно похода алан 72 г., то с этим военным балцем связываются не только ранние захоронения Мингечаура, но и, по крайней мере, два катакомбных могильника Северного Ирана – Норузмахал и Кхаромруд [Заднепровский. 1968.С.79-80; 1969. С.304-307].

Где находился исходный пункт аланского военного похода 72 г.? Ответ, к сожалению, может быть только предположительным. Участие среднеазиатских алан в данном военном предприятии не могло бы состояться без благожелательного отношения государства Кангюй. В свою очередь Кангюй поддерживал достаточно тесные политические взаимоотношения с Кушанской державой [Толстов.1948.С.25; Васильев.1955.С.119.Прим.1]. Известно, что при посредничестве государя Кушанской державы происходило разрешение китайско-кангюйского военного конфликта, связанного с вмешательством Кангюя в борьбу экспедиционного корпуса Бань Чао с восточнотуркестанским княжеством Суле. Откликаясь на просьбу государя кушан, Кангюй вывел в 84 г. н.э. свои войска с территории Восточной Скифии [Лысенко. 2002. С.326-327]. Не является ли рейд алан 72 г. н.э. на территорию Мидии и Армении согласованным ответом трех держав Востока – Кушана, Кангюя и Гиркании – на усиление восточных притязаний Парфянской империи, очень окрепшей за долгое и мудрое царствование Вологеса I (51/52-79/80 гг.)? Вероятно, именно в царствование Вологеса I в нижней трети Узбоя воздвигается парфянская крепость Игдыкала, использование которой в качестве важного военного форпоста парфян на Востоке не вызывает сомнений [Вайнберг, Юсупов. 1984; Юсупов. 1986]. Строительство этой крепости в Восточном Прикаспии сразу же вывело взаимоотношения парфян с окрестными кочевыми народами на новый, качественно более высокий уровень, свидетельствовало о крепнущем желании Парфянской империи пересмотреть в свою пользу традиционное политическое status quo на Востоке [Вайнберг. 1999. С.231-232]. Разумеется, все это не могло не тревожить уже сложившийся в Средней Азии политический треугольник: Гиркания, Кангюй, Кушан. Массированный военный поход алан, организован-

ный при благожелательном нейтралитете упомянутых трех держав, становился для Вологеса I и суровым политическим предупреждением, и вполне конкретной заботой социального характера (ведь были разграблены ранее цветущие области Мидии), и более чем серьезной военной проблемой. Если это так, то успешный балц алан в 72 г. н.э. мог начаться в каком-либо предгорном урочище на условной меридиональной линии, соединяющей парфянскую крепость Игды-кала на Узбое с верховьями реки Сумбар в Западном Копетдаге. Вероятнее всего, что парфяно-кангюйская граница проходила именно по этой линии [Лысенко. 2002. С.296]. Здесь, в верховьях реки Сумбар, и происходило, видимо, первоначальное сосредоточение аланских воинских контингентов. Отсюда начиналась дорога к очень невысокому (до 1000 м над уровнем моря) перевалу на реку Атрек, пройдя которую, конная рать выходила к еще более низкому (до 500м) перевалу на р. Горган, т.е. оказывалась уже практически на восточной границе Гиркании.

Победоносный возврат аланского войска, обремененного трофеями и плененным людом, также проходил, по-видимому, через территорию Гиркании. М. Дж. Халилов отмечает большое число катакомбных могильников явно восточноиранского происхождения, расположенных в зоне прохода алан через земли, которые в I в. н.э. принадлежали гирканским владельцам. Исследователь склонен видеть в виновниках разграбления Мидии и Армении именно закаспийских алан [1992. С.71-74]. Эту же точку зрения разделяют и другие исследователи [Яценко. 2000. С.88. Прим.8]. Об угнанных на восток молодых мидийских и армянских женщинах свидетельствует, возможно, ткацкое пряслице с парфянской надписью, найденное в закаспийском степном урочище на полуострове Мангышлак [Харматта. 1969. С.144-147].

Последний вопрос, имеющий отношение к аланскому рейду 72 г., касается его точной датировки. Проблема точной хронологии аланского вторжения осложняется тем, что по информации античных источников известно два эпизода, которые могут рассматриваться как разные военные контакты алан с Парфянской державой. Первый из них бесспорно относится к 72 г. н.э. и подробно описан в рассказе Иосифа Флавия [De bello. VII,7,4]. Второй военный набег алан, возможно, состоялся в 75 г. н.э. и описан Светонием Транквиллом и Дионом Кассием [Suet. Domit. 2,2; Dio Cass. 65.15.3]. Отсутствие необходимой конкретики в информации древних авторов закономерно порождает разногласия во мнениях современных ученых, особенно на Западе. Отечественные исследователи в этом вопросе более единодушны, по крайней мере суждения, подвергающие сомнению историчность похода алан именно в 72 г. в России – скорее исключение, нежели правило. Э. Бикерман в своей монографии, вероятно ориентируясь на мнения западных историков, датирует поход алан, отмеченный И. Флавием, под 75 г. н.э. Л.С. Ильюков и М.В. Власкин сомневаются, что военный балц алан, отмеченный Иосифом Флавием, мог состояться именно в 72 г. н.э. С учетом времени начала царствования в Парфии Пакора II, этот поход, считают исследователи, не мог состояться раньше второй половины 70-х гг. I в. н.э. [1992. С.16-18]. (Значение этого аргумента, на первый взгляд,

очень серьезного, все же преувеличено. Из контекста сообщения Иосифа Флавия [De bello. VII,7,4] совершенно очевидно, что речь идет не о парфянском «царе царей», властвующем в Ктесифоне, а о Пакоре-мегистане, владетеле Мидии, т.е. по античным представлениям, – тоже варварском царе. Имя «Пакор» было одним из наиболее распространенных среди владетельных особ парфянского востока). М.М. Дьяконов полагает, что аланских вторжений на территорию Парфянской державы было все же два. Первое – в период 72-74 гг. н.э. в Закавказье и Мидию Антропатеку. И второе – в центральные области Парфии в 75 г. н.э. [1961. С.22]. (Особняком стоит мнение К. Алиева, склонного считать, вслед за В.В. Латышевым, что интересующий нас аланский балц состоялся около 68 г. н.э. [1986. С.113. Сн.10]).

Сопоставляя все эти достаточно различающиеся между собой мнения ученых, следует все же признать (возможно в качестве некоего промежуточного решения), что аланских походов против Парфии и ее сателлитов во второй половине I в. н.э. было все же два. Мы полагаем, что в этом непростом вопросе следует опираться на суждение такого крупного знатока древнего Ирана, каким был М.М. Дьяконов [1961. С.22]. Известна заинтересованность Домициана, младшего сына императора Веспасиана, в том, чтобы возглавить экспедиционный корпус римлян на Востоке для совместного похода с парфянами Вологеса I против алан [Suet. Domit. 2.2]. Веспасиан, несмотря на личное обращение Вологеса I, счел эту экспедицию нецелесообразной с точки зрения интересов Рима на Востоке, и она не состоялась. Трудно объяснить явно наносящий ущерб престижу Парфии почти панический характер личного послания Вологеса I, а также живую заинтересованность в этом деле воинственного Домициана, если бы состоялся только один набег алан в 72 г. в сущности на периферийные области парфянского государства. Также затруднительно объяснить наличие в аланских захоронениях специфических и редких предметов, имеющих вавилонское и персидское (в смысле – из Персиды) происхождение: две цилиндрические печати из Косики; кварцевая вавилонская печать VI в. до н.э. из кургана 3 у ст. Тифлисской [Ждановский. 1984а. С.73; 1984б. С.52]. Особенно показателен в этой связи парадный железный нож с рукоятью из слоновой кости из могильника Красногоровка. На рукояти этого ножа очень реалистично вырезана рельефная тронная фигура одного из парфянских шахиншахов, предположительно Вологеса I [Трейстер. 2001. С.195-206]. Подобный нож мог носить только высокородный парфянский вельможа, который вряд ли стал бы обретаться где-то на далекой периферии Парфянской империи.

Таким образом, мы предполагаем, вслед за М.М. Дьяконовым, что через несколько лет после вторжения в Мидию Антропатеку и Армению, аланы нанесли еще более мощный удар уже в центральные регионы Парфии в общем направлении на Экбатаны – Керманшах – Ктесифон. Возможно, этот главный рейд сопровождался еще какими-то периферийными балцами союзных аланам сако-дахских племен [Flav. Ant. jud. 4,91]. Общая же обстановка на восточных границах государства вызвала в парфянской политической

памяти мрачные воспоминания о периоде 129-124 гг. до н.э., когда гибель Фраата II (129 г. до н.э.) обрекла страну на произвол многочисленных сакских орд, разграбивших и разрушивших многие города [Бокшанин. 1966. Ч.II. С.5]. В этой тревожной обстановке и последовало обращение обычно очень сдержанного царя Вологеса I к императору Веспасиану с просьбой о выделении римских экспедиционных сил для совместного похода против алан. Обращение это, как мы знаем, осталось без ответа.

§3. Поход царя Базука в Закавказье в 114-115 гг. н.э. и дальнейшее военное противоборство алан и Армении. Важным военно-политическим событием ранней истории алан стал неудачный поход аланской орды царя Базука в Закавказье, описанный в древнегрузинской хронике «Картлис цховреба». Несмотря на наше в целом весьма осторожное восприятие древних закавказских письменных источников, информация Леонти Мровели о трагическом набеге царя Базука и его брата Анбазука на Армению безусловно заслуживает доверие ввиду своей конкретности, а главное – ввиду возможности сопоставления с другими политическими событиями описываемой эпохи.

Реконструированная картина военно-политических событий, связанных с аланским походом 114-115 гг. н.э., видится нам в следующих чертах.

В 114-115 гг. н.э. алано-иберийская коалиция, созданная по инициативе иберийских владетелей Азорка и Армазела, вторгается в северные и северо-западные области Великой Армении. Неожиданный удар приносит успех, однако затем в сражении при реке Иори армянские войска наголову разбивают армию союзников. В начале битвы, в поединке с Сумбатом Бивритианом погибает Базук, царь алан, вслед за ним от руки армянского спасета гибнет и его брат – соцарствующий Анбазук. Лишившись накануне решающей битвы высшего военного руководства, аланы были разбиты, вместе с ними разгрому подверглось и все остальное войско союзников.

В итоге армяне захватили пограничные области Иберии – Самцхе (Одзрхеви) и Кларждети, вместе с городом Цунда и крепостями Демоти, Джавахети и Артани. В Самцхе они построили собственную крепость, в которой разместили военный гарнизон. Однако война на закончилась. Неудачи только укрепили союз северян: иберов подталкивала к союзу необходимость возврата пограничных земель (что было, разумеется, без помощи алан заведомо обреченным на неуспех делом), а аланы нуждались в иберийском территориальном плацдарме для продолжения военных действий.

Через некоторое время (вероятно, около 117 гг. н.э.) аланы совместно с иберами предпринимают попытку нового вторжения в Армению, но терпят неудачу и вынуждены вновь отступить на север вплоть до Мцхеты. Здесь, в боях под стенами иберийской столицы, в руки армян попадает сын аланского царя. После этого события активная фаза войны немедленно прекращается: армяне, по-видимому, уже исчерпали наступательный потенциал, а их противники – прежде всего аланы, уже не хотят войны, поскольку на чашу весов положена жизнь аланского царевича. В ходе переговоров стороны приходят

к соглашению о мире. Элементом, обеспечивающим взаимное доверие, как это было принято в древности, стал династический брак Арташеса и Сатиник.

Этот династический брак, а скорее всего – взаимная усталость враждующих сторон – обеспечили несколько лет покоя на иберо-армянском пограничье. За этот период Иберия сумела накопить военные силы («...*Возродилась Картли, разоренная армянами*»), а внешнеполитическая обстановка вокруг Армении заметно ухудшилась. Этим решили воспользоваться аланы, не забывшие своего военного поражения и не простившие крови царя Базука. Последовали новые рейды алано-иберийских отрядов на территорию Армении, а затем тотальный разгром посланного царем Арташесом экспедиционного корпуса царевича Зарена («...*истребили все войско его и преследовали до самых рубежей Армении*»). Сам царевич был пленен и заточен в иберийскую крепость Дариалан.

Три последующих года царь Арташес, будучи связанным военным противоборством на южных и юго-западных рубежах Армении, не смог собрать достаточных военных сил для вызволения царевича Зарена. Наконец, около 123-124 гг. н.э. такой поход состоялся, а его итогом стал возврат к территориальному status quo на границе с Иберией в обмен на прочные гарантии мира и освобождение Зарена.

Предложенная реконструкция выглядит реалистично, если принять во внимание, что 114-117 гг. н.э. приходится на войну Рима и Парфии, в ходе которой Армения, скорее декларативно, чем фактически, была объявлена новой римской провинцией. Поэтому антиармянскую активность алано-иберийской коалиции могло подогревать не только воспоминание о погибшем царе Базуке, но и полное золото из императорской казны Траяна. Вступивший на престол в августе 117 г. император Адриан уже в конце этого же года закончил войну с Парфией и отказался от Армении и Месопотамии [Моммзен.1995.Т.V. С.297-298]. Наступившая после 117 г. внутрипарфянская замятня, связанная с политической ликвидацией римского ставленника царя Парфамасата (116/117 гг. н.э.), несомненно имела и свою армянскую составляющую. Вплоть до восшествия на престол Парфянской державы Митридата IV (128/129-147 гг. н.э.) все смежные с Парфией страны лихорадило совершенно в унисон с этим великим уделом Аршакидов. Поскольку Армения всегда считалась младшим уделом парфянского царствующего дома, было бы наивным полагать, что парфянские династические смуты пронесли мимо этой страны и никак не сказывались на ее внутреннем положении. Нет сомнений в том, что какое-то, причем достаточно продолжительное время царю Арташесу было совершенно невозможно озаботиться судьбою плененного Зарена, а возможность послать войска на северные границы государства появилась, конечно, не вначале, а скорее к концу общепарфянской династической смуты.

Подведем итог нашим размышлениям. Существующая нарративная база алановедения, особенно с опорой на богатый археологический материал последних десятилетий, позволяет перестать рассматривать закавказские военно-политические события с участием алан как некие военные эпизоды или

эксцессы, объясняемые исключительно набеговой активностью иранских кочевников. Военно-политическая история алан в Закавказье отнюдь не подразделяется на несколько пиков (35 г. н.э., 72 г., 114 г. и т.д.), между которыми остаются зияющие пустоты. Можно предположить, что, напротив, военно-политическое присутствие алан в Закавказье, начиная со второй половины I в. н.э., в той или иной форме сохранялось всегда, лишь в зависимости от обстановки приобретая подчас форму открытого военного вторжения. Стремясь сохранить и упрочить свое этнополитическое присутствие в регионе, аланская политическая элита использовала самые разнообразные рычаги и методы, начиная от ситуационно выгодных династических браков и кончая жестокими внутриэтническими репрессиями против своих соотечественников, если деятельность последних шла вразрез ожиданиям верховной власти алан в Предкавказье.

§4. Аланские походы 132-135 гг. в Закавказье и Парфию. Геополитическое положение сармато-алан Волго-Донского междуречья к исходу II в. н.э. В «Хронике Адиабены», принадлежащей перу сирийского монаха VI века, указывается, что в правление парфянского царя Вологеса II (105/6-147 гг. н.э.) около 132 г. н.э. произошло массированное вторжение каких-то северных кочевников на территорию Адиабены – одной из наиболее процветающих провинций Парфянской империи. Несмотря на неожиданность вторжения, бои здесь приняли затяжной характер, ибо на помощь ополчению Адиабены во главе с неким Рикбактом подошли главные военные силы парфян, вероятно под командованием самого Вологеса II (в тексте хроники поименован как Аршак). Когда победа кочевников была уже совсем близка, их военачальник – некий Кизо – получил послание от своих соплеменников. Они сообщали ушедшему в боевой поход войску о нападении на их родные города какого-то сильного варварского племени, сжигающего и грабящего все на своем пути. Войска Кизо вынуждены были очистить территорию Адиабены, вернулись домой и в результате тяжелых боев сумели разгромить нежданного противника [Пигулевская. 1941. С.97].

Н.В. Пигулевская видела в войнах Кизо алан и полагала, что сообщение сирийского хрониста относится к походу алан на Парфию в 135 г. н.э. [1956. С.83-84]. С.А. Яценко обоснованно, на наш взгляд, датирует этот парфянский поход северных кочевников более ранним временем (ок. 132 г. н.э.) и связывает его с «аланами-массагетами», которые ушли в поход на Адиабену с территории Восточного Предкавказья [1998а. С.87]. Исследователь отмечает, что этим же временем – около 132 г. н.э. – датируется письмо легата Каппадокии Флавия Арриана к императору Адриану, в котором упоминается о реальной возможности массированной римской интервенции в Приазовье в связи с какими-то серьезными осложнениями политической обстановки в регионе [Агг. Peripl. 17,3]. Возможно, что эти два события имеют некие общие корни, однако для нас представляется более важным констатировать весьма масштабную набеговую деятельность предкавказских алан, вновь вторгшихся в самое сердце

Парфянской империи и сумевших на вражеской территории на равных противостоять отборным правительственным войскам царя Вологеса II.

Следующий поход алан в Закавказье и Переднюю Азию несомненно состоялся около 135 г. н.э. (по крайней мере именно в этот год произошло военное столкновение алан с каппадокийскими легионами Флавия Арриана). Маршрут движения этой аланской орды долгое время был предметом научной дискуссии [Габуев. 1997а; Берлизов. 1997б; Гутнов. 2001. С.139 сл.]. Разногласия мнений вызывалась разной трактовкой информации Диона Кассия – основного источника по данному вопросу, точнее – использованием разных переводов источника.

Существенная разница в информационной базе переводов разных исследователей во многом объясняется спецификой данного источника. Как отмечает С.М. Перевалов, фактически не существует оригинала интересующего нас сообщения в 69-й книге Диона Кассия. Последние двадцать книг Диона, с 61-й по 80-юэчки, утрачены и до нашего времени дошли только их позднейшие пересказы и эпитомы. Фрагмент 69.15.1, полагает исследователь, сохранился в трех версиях: 1) в т.н. «извлечениях о посольствах» (excerpta de legationibus), сделанных при Константине Багрянородном; 2) в «Эпитоме римской истории Диона Никейского» Ксифилина (составлена в 1071-1078 гг.); 3) во всемирной «Краткой истории» Иоанна Зонары (XII в.). Далее С.М. Перевалов подробно разбирает фактографические достоинства и недостатки указанных версий, а в завершение анализа предлагает свое прочтение Диона Кассия, опираясь на сводный текст источника, восстановленный У. Буассевэном на основе эпитомы Ксифилина и «извлечений» [Boissevain. 1890].

«Как только закончилась Иудейская война, тотчас другая была поднята из [страны] аланов (называемых массагетами) Фарасманом, сильно опустошила Албанию и Мидию, а Армению и Каппадокию только затронула. Затем, когда аланы были ублажены дарами Вологеса с одной стороны, и напуганы архонтом (правителем) Каппадокии Флавием Аррианом – с другой, [война] прекратилась» [Перевалов. 1998. С.99].

Такое прочтение указанного фрагмента сочинения Диона Кассия по-видимому не оставляет больше сомнений по поводу маршрута движения аланского войска в 135 г. Аланы, призванные царем Иберии, прошли с севера, через Дарьял, и вначале обрушились на Албанию. Скорее всего, изначально эта закавказская страна была избрана в качестве главного объекта атаки алан, поскольку союзник алан Фарасман II был заинтересован в умалении военно-политической мощи именно этого государства [Тревер. 1959. С.130-131, 144сл.]. Лишь затем удар был нанесен по Мидии-Атропатене, а на территорию Армении и Каппадокии были совершены скорее рекогносцировочные, нежели действительно захватнические рейды. Важным аргументом в пользу предположения об албанской направленности данного похода алан служит свидетельство Фемистия [Them.34.8 = Wirth-Roos.1968.Те.13] о том, что наместник Каппадокии Флавий Арриан в ходе кампании по выдавливанию алан из Закавказья доходил до Каспийских ворот (Дарьяла) и «устанавливал границы» иберов с

албанами [Bosworth. 1977. P.229]. Римская администрация на Востоке, конечно, прекрасно знала о подлинной политической подоплеке произошедших событий и взялась умиротворять вовсе не алан, а их иберийскую креатуру, имеющую, вероятно, свои особые виды на сопредельные районы Албании.

Тезис о долгом, на 80 лет, свертывании военно-политической экспансии алан в Закавказье, предложенный С.А. Яценко, также вызывает определенные сомнения. Возможно, политическая активность алан в этом регионе была во второй половине II в. н.э. несколько снижена, однако очень сомнительно, чтобы она была свернута вовсе.

Ключевые выводы весьма значительного по объему материала четвертого параграфа пятой главы диссертации могут быть сформулированы следующим образом.

1. Археологические артефакты сармато-аланского происхождения, датируемые серединой III-IV вв. н.э., свидетельствуют о наличии весьма прочного генетического единства сармато-аланского мира в указанную эпоху от степей Северного Кавказа до Нижнего Подунавья.

2. Указанное выше обстоятельство делает маловероятным предположение о наличии двух гетерогенных объединений аланов, начиная с середины II в. н.э. Полное молчание нарративных источников по данной проблематике не оставляет, на наш взгляд, никаких оснований для серьезной оценки версии об субэтнической гетерогенности европейских алан (термин «Европа» и производные от него трактуются нами в современном географическом смысле).

3. К концу II в. н.э. аланы Волго-Донского междуречья были объединены в политически независимый и саморегулирующийся этносоциальный комплекс, ясно сознавали свое генетическое родство и активно развивали свою этническую экспансию в регионы Закавказья и Северного Ирана. В этот же период в аланском социуме уже полнокрвно функционирует властная вертикаль, представленная в высшем эшелоне институтом наследственной, по-видимому, царской власти.

4. Раскол сармато-аланского этнического поля, отмеченный многими исследователями, не был связан с деятельностью неких «поздних сарматов», якобы завоевавших низовья Дона в середине II в. н.э. и вытеснивших отсюда к западу более раннее аланское население. Этот раскол произошел значительно позднее – во второй половине III в. н.э. – и был предопределен этнической экспансией готских племен, сумевших к концу III в. занять центральное положение в регионе Северного Причерноморья, причем как в географическом, так и в геополитическом аспектах.

Глава VI. Аланы и Рим: военно-политические аспекты этнических контактов I-II вв.

§1. Ранние аланы: проблема этничности и этапы этногенеза. Некоторое время назад А.О. Наглер и Л.А. Чипирова выступили с оригинальной версией социополитического происхождения аланов, усмотрев в последних не этнос, а «социальный слой сарматского общества, из которого формировалась военная знать» [1985. С.90]. Эта любопытная версия противоречит

всему корпусу письменных источников об аланах, где неоднократно говорится о них как о «народе» и «племенах», но нигде как о «прослойке», «роде» или «знати (элите)». Весьма вероятно, что мнение А.О. Наглер и Л.А. Чипировой так и осталось бы единичным частным мнением исследователей, если бы не наличие концептуальной поддержки со стороны некоторых известных исследователей-археологов. Например, М.Б. Щукин пришел к заключению, что аланы не были «... ни особым народом, ни племенем... Это могла быть группа, дружина аристократов, потомственных воинов-профессионалов... своего рода «рыцарский орден», имеющий при этом родственные связи с аристократическими домами... от Гиндукуша до Дуная. Аланы могли представлять собой особую социальную надплеменную прослойку сарматского общества» [1992. С.120]. В недавнее время эта точка зрения получила поддержку украинского археолога А.В. Симоненко [2003. С.55-57]. Как своего рода незавершенную версию этой же гипотезы можно расценить этногенетическую концепцию С.А. Яценко, считающего, что «... «Аланами» называли совершенно разные народы с весьма сильно различавшейся культурой, происходившие в разное время из ираноязычного мира разных частей Западного Туркестана, а потом подчас частично смешивавшиеся в Европе» [2003. С.315].

Традиционно считается, что вышеуказанная гипотеза (назовем ее, вслед за А.В. Симоненко, – «надэтнической») имеет реальное археологическое основание. Суть его в следующем: аланские инновационные признаки в сарматской культуре отличаются элитарностью. Восточное, зачастую богато украшенное оружие, «бирюзово-золотой» стиль, особый ритуал могил знати, китайские и «бактрийские» зеркала, тамговая эпиграфика, парные курительницы, котлы и кубки с зооморфными ручками – почти все указанные артефакты не имеют своих аналогов в синхронных рядовых захоронениях сармато-аланов. Отсутствие привычного понятного инструмента в виде осязаемой археологической культуры подчас расценивается специалистами-археологами как неодолимое препятствие в процессе идентификации аланского этноса. А.В. Симоненко, например, обращает внимание на то, что «большинство аланских признаков связано с погребениями знати и представляют собой те или иные инновации круга драгоценных вещей и предметов военного обихода». Совершенно справедливо полагая затем, что «... племя не может состоять исключительно из аристократов – это нонсенс», исследователь тем не менее констатирует, по видимому, археологически непреодолимый итог: «... памятники рядовых аланов по тем же инновационным признакам (курсив наш – Н.Л.) почти не выделяются» [Симоненко. 2003. С.56]. Считая, вероятно, логически завершенным данный круг размышлений, исследователь далее высказывает предположение, что гипотеза о «надэтничном» характере аланского феномена может быть вариантом решения проблемы происхождения аланов.

Как представляется, в означенном случае мы сталкиваемся не с неодолимой природой реального исторического факта, а с очевидным изъяном конкретной методики исторического познания. И дело здесь даже не в том, что

трудно ожидать в захоронениях рядовых аланов «тех же инновационных признаков», коими отличаются могилы аланской знати. Вопрос в самой природе археологического источника, которая при узкоспециализированном изучении последнего способна создавать неразрешимые с историко-этнологической точки зрения парадоксы. (Иллюстрацией к сказанному может служить, например, археологический анализ захоронений XVIII века у русских, украинцев, крещеной мордвы, удмуртов, карелов и вепсов. Во всех этих случаях существующая археологическая методика покажет наличие единого этноса, в то время как историческая и этнографическая реальность окажется противоположной. Аналогичный результат – прямопротивоположный историческому факту – даст и специализированное археологическое заключение об этнической природе татар-кряшен и татар-исламистов в Поволжье. Список подобного рода «неодолимых» археологических парадоксов может быть весьма долгим).

Аланское общество в социальном отношении было очень сильно поляризовано. Существовала элита – та самая, которая оставляла самые богатые захоронения в истории кочевых народов [Яценко. 1993а. С.68]. На другом полюсе этноса были рядовые аланы, лично свободные, но весьма бедные люди, которые не могли положить в могилы своих родственников украшенное золотом оружие, предметы роскоши в «бирюзово-золотом» стиле, китайские зеркала – просто потому, что в их повседневном обиходе не было этих предметов. В интересующую нас эпоху среди кочевых народов, по-видимому, только хунны имели столь же стратифицированное в социально-политическом плане общество. В хуннской степи столь же обычны могилы рядовых скотоводов с нищенским инвентарем. Погребения кочевой аристократии и вождей хуннов совершенно иные: редкое оружие, ювелирные изделия и золотые пластины с высокохудожественными изображениями животных, украшения для колесниц, специальные предметы для вождей (жезлы, навершия знамен, пластины с титулованием «шао фу», украшения для церемониальных шапок). Только в могильнике Алучжайдэн – аймак Ханцзинь Внутренней Монголии – было найдено 218 предметов из золота и бронзы общим весом более 4 кг [Крадин. 2003. С.142, 151].

Практически весь корпус письменных источников об аланах свидетельствует об этнической субъектности последних; в то же время в пользу аланской «надэтничности» здесь мы не найдем ни слова. Схолия к поэме Лукана описывает аланов как *«народ у Понта, не знающий покоя среди непрерывных войн»* [Adnot. super Luc. 223. Цит. по: Алемань. 2003. С.44]. О трофейном коне императора Проба сказано, что он находился *«среди добычи, взятой у аланов или у какого-то другого племени»* [Vor. Prob. 8,3]. Дионисий Периегет в своем «Описании населенной земли», написанном в 124 г., перечисляет: *«К северу от этой реки [речь идет о Дунае – Н.Л.] вплоть до устья Меотийского озера широко рассеяно множество племен: германцы и сарматы, геты и бастарны, необъятная земля даков и отважные аланы, и тавры, что населяют обрывистые кручи длинного и узкого Ахиллова Бега до самого устья озера»* [Dion. Perieg. 302-307]. Тацит указывает, что у

роксоланов *«вожди и вся знать носят панцири, составленные из железных пластин или самой твердой кожи»* [Тас. Hist. 1, 79, 1-4]. Это уточнение не имело бы никакого смысла, если бы все роксоланы представляли собой «дружину аристократов».

Итог наших размышлений понятен: раз существовал этноним «аланы» (причем с внятно заявленной внутриэтнической функцией), значит существовал и сам этнос. В истории народов мира еще не было случая, когда этнос существовал бы без осознанного им самим этнонима. И, напротив, имеются примеры, когда единство и субъектность этноса являются практически утраченными, однако феномен этнического самосознания, опираясь на этноним, становится единственным объединяющим данное сообщество признаком. Этнообразующая функция самосознания отдельного социально-исторического организма, воплощаемая в этнониме, особенно характерна для эпохи образования вождеств. Не случайно многие современные европейские этнонимы прямо восходят к племенным названиям этой эпохи [Колпаков. 1995. С.17, 20].

Как известно, одним из основных специфически этнических признаков, признаваемых всеми исследователями, является этническое самосознание, фиксируемое в этнониме [Колпаков. 1995. С.20]. В ряде работ этот признак оценивается очень высоко. Еще в 1947 г. Нейдель высказал верную, на наш взгляд, мысль о том, в ситуациях взаимопроникающей этнолингвистической мозаики, при чересполосице несхожих культур различных племен наименее двусмысленным, а иногда и единственным фактором в определении того, где кончается одна этническая общность и начинается другая, является самоидентификация, опирающаяся на этноним. «Культура и язык, – поясняет Нейдель, – не могут предоставить безошибочный критерий племенной принадлежности (identity), ибо культура и язык допускают степени и оттенки единообразия или различия, в то время как представление о племени (т.е. этническое самосознание – Н.Л.) имеет тенденцию к более резкой кристаллизации – некто либо является членом племени, либо нет» [Цит. по: Моерман. 1965. Р. 1219-1220]. Некоторые исследователи рассматривают этническое самосознание как главный фактор, закрепляющий в исторической перспективе этничность конкретной общности, которая по сути есть «социальная идентичность, характеризующаяся наличием метафорического или воображаемого родства» [Yelvington. 1991. Р. 168]. Указанное обстоятельство обеспечивает значительную историческую устойчивость представлений этноса о присущей только ему этнической индивидуальности и, соответственно, очень большую хронологическую глубину бытования традиционного этнонима. Например, коренные жители Карпатской Руси (Ужгород и окрестности), оторванной от Руси Великой еще в XI в., до сих пор называют себя русинами и четко отделяют свою этническую общность от украинской.

В исторической ретроспективе ранние аланы несомненно обладали этничностью, поскольку ее основой, по единодушному мнению всех исследователей, является осознаваемая оппозиция «свои – чужие». В конечном счете, этничность – это отражение в сознании групповых родственных связей, кото-

рые впоследствии трансформируются в более широкую социокультурную общность. Последняя же окончательно закрепляет за данным сообществом феномен этноса. Известный этнолог С.Е. Рыбаков, исследуя свойства этноса, приводит в своей работе меткое определение М. Нэша: этнос – это «постель, кровь и культ». Исследователь поясняет эту мысль указанием на изначальное популяционное единство этноса (свойственные и кровнородственные связи), над которым затем надстраивается социокультурная общность [2003. С.22]. Полагаем, нет никаких оснований думать, что ранние аланы не располагали во II-I вв. до н.э. вышеприведенной триадой М. Нэша, а значит не обладали в той или иной мере свойствами этноса. Напротив, можно считать весьма вероятным, что в полиплеменной сармато-аланской среде на рубеже II-I вв. до н.э. резко усилились этнические свойства какого-то одного племени, этническая и социокультурная сущности которого стали восприниматься в аланской среде как некий общеарийский кочевнический эталон. Комплексный анализ нарративных источников древности дает возможность предполагать, что этим этническим сообществом стало «племя аланов и асов» (Ал-Бируни), т.е. племя асиев (асиан) античной традиции.

Итак, как было показано выше, ранние аланы к середине I в. н.э. уже в полной мере обладали этничностью – основным признаком этноса [Рыбаков. 2003. С.12 сл.], т.е. коллективным осознанием общих родственных связей и четким императивом противопоставления «свои – чужие». Все письменные источники периода ранней истории аланов свидетельствуют о них именно как об «аланах», фиксируя тем самым устойчивое этническое самосознание последних, прочно закрепленное в этнониме. Как уже указывалось выше, по этническому самосознанию и этнониму общности, которые обозначают как племя, народность или нацию, неразличимы. Различия, которые им подчас приписывают, всегда носят экономический, социально-политический, а иногда и технический характер, и указывают по сути не на свойства этносов, а на характеристики разных типов социальных организмов [Колпаков. 1995. С.21]. В свете последнего обстоятельства факт постепенной редукции исконных этнических наименований у сарматских (языги) и раннеаланских (роксоланы, аорсы) племен бесспорно свидетельствует о постепенном процессе перехода их племенной этничности в общеаланскую субэтничность. Осознаваемая субэтничность отдельных племен аланской конфедерации не была, разумеется, некой постоянной величиной.

Уже к концу I в. н.э. аорсы (аланорсы) полностью растворяются в аланской среде, теряют какое-либо осознаваемое племенное своеобразие, а значит, перестают быть субэтносом аланского народа. Отражая этот процесс обретения аорсами общеаланской этничности, античная традиция не упоминает об участии аорсов в каких-либо политических событиях второй половины I в. н.э. Роксоланы – наиболее этнополитически сильное раннеаланское племя – сохраняли свою субэтничность существенно дольше, вероятно, вплоть до середины IV в. н.э. По крайней мере, еще в конце III в. субэтничность роксоланов еще не была утрачена [SHA:Aurel. 33.4; Ibid.: Pollion. Regilianus. 10.2]. О субэт-

носе ***Tuwal-Ās** какие-либо обоснованные этногенетические заключения сделать трудно, однако нельзя усомниться в том, что в условиях горного Кавказа, т.е. в относительной изоляции от внешнеэтнических импульсов субэтничность ***Tuwal-Ās** сохранялась очень долго. Лучшее свидетельство этому – сохранение самоназвания «туальцы» в территориально разграниченных обществах современных осетин. Этноним «асии» в том или ином контексте известен античной традиции II-VII вв. н.э. [Ptolem. V. 8.16; Arrian. Indic. 21.1; Idem. Tactic. 19.4; Lib. gen. I. 205.4; 197.39; Cosm. Hieros. Col. 592; Julian. Conv. 329; Chron. Alex. 167, XXXVI; 176, 4; Sulp. Sever. Chron. II. 25; Priscian. Per. v. 409; Isid. Etymol. IX. 1.8.]. Как представляется, асы являлись относительно немногочисленным, но при этом наиболее политически привилегированным субэтносом аланов. Это качество аланской политической элиты асы сохраняли вплоть до нашествия монголов в XIII в. После ряда поражений в монголо-аланской войне 1222–1259 гг., в правление монгольских каанов Угэдэя и Мункэ, большая часть родовитых аланских фамилий (т.е. семейств, которые с полным основанием могли считать себя асами) была переселена в Китай. Эти родовитые асы, вынуждено став восточноазиатским этническим анклавом аланов, долгое время сохраняли свое привилегированное положение среди прочих войсковых структур империи Юань [Алемань. 2003. С.518 сл.].

Языги-сарматы, в отличие от аорсов и роксолан, весьма долгое время сохраняли свою этническую субъектность. В основе этого факта – собственно сарматская этническая сущность языгов, отличная, по-видимому, в каких-то важных деталях от аланских этносоциальных и духовно-психологических императивов. Вплоть до конца V в. н.э. языги сохраняют собственное этническое лицо во всех этнополитических процессах, происходящих в Европе. Иордан упоминает вождя паннонских сарматов Бевку и Бабая, сражавшихся в рядах гепидо-геруло-сарматской коалиции против готов Тиудимера в битве при реке Болии [Iord. Get. 277]. Е.Ч. Скржинская, равно как и другие исследователи, справедливо считает этих сарматов Паннонии языгами [Скржинская. 1997. С.349; Буданова. 2000. С.84]. Оставаясь политически самостоятельным этносом, языги, вместе с тем, были охвачены общим центростремительным движением всех раннеаланских племен, постепенно обретающих общую аланскую этничность. Факт жесткого политического требования языгов к Риму после Маркоманнских войн об обеспечении межплеменных языго-роксоланских контактов через территорию Дакии красноречиво свидетельствует, в каком направлении трансформировалась их этничность [Cass. Dio 72, 19, 2].

Подводя итог нашим размышлениям, попытаемся реконструировать этапы раннего этногенеза сармато-аланских племен (в контексте событий военной истории) на основе известных нам археологических материалов и сведений нарративных источников.

Генетико-культурным и этнополитическим ядром аланского этноса было племя усуней (асиев-асиан античных источников), первоначально обитавшее на востоке Центральной Азии в западной части Ганьсуйского коридора (коридор Хэси), вдоль северной подошвы Западного Наньшаня и хребта Алтынтаг.

Около IV в. до н.э. усунь терпят ряд военных поражений от юэчжей – тохарского племени, занимавшего восточную часть коридора Хэси (от Дуньхуана до Увэя). Под натиском юэчжей большая часть усуньских кочевых родов покидает Ганьсуйский коридор и переселяется в Восточный Тянь-Шань (район озера Баркуль). Однако юэчжи не прекращают военное преследование усуней и на рубеже IV-III вв. до н.э. принуждают последних к новому отступлению на север. Усунь переселяются в предгорья Алтая, где начинают кочевать по довольно обширному степному региону: от Монгольского Алтая и Кобдинской степи до верхнего течения Бухтармы и Катунь [Лысенко. 2002а. С.179 сл.].

Совокупная военно-политическая активность юэчжей и набравших силу хуннов вызвала миграционные подвижки иранских кочевых обществ от Алтая до Приаралья. Этническими продуцентами этих событий стали раннепрохоровские племена предков аорсов и роксоланов, сместившиеся из степей Зауралья соответственно в нижнюю и среднюю части Волго-Донского междуречья [Лысенко. 2004а. С.220]. Можно предположить, что в эти этногенетические процессы были вовлечены и сарматские кочевые общества Волго-Уральского региона, на основе которых в IV-III вв. до н.э. сложился этнос языгов. Значительная роль в этническом становлении языгов несомненно принадлежала племени яксаматов, населявшему левобережье Дона от его восточного изгиба до впадения в Меотиду [Максименко. 1998. С.162 сл.]. Таким образом, на рубеже III-II вв. до н.э. западные племена сармато-аланов обретают собственную военно-политическую субъектность, оставаясь при этом органичной частью евразийского сармато-аланского суперэтноса.

В первой половине II в. до н.э. племя усуней, окрепшее на Алтае и в Кобдинской степи под протекторатом державы хунну и ассимилировавшее в своей племенной среде алтайские племена «бома», входит в новую фазу этногенеза. Военно-политические события в этой фазе начинают нарастать почти лавинообразно. Около 165 г. до н.э. асы (асиане-усунь) наносят тяжкое поражение юэчжуйской орде князя Кидолу, переселившейся в Семиречье и получившей в древних китайских источниках наименование Большого юэчжи. Князь Кидолу был убит, а разгромленные юэчжи (наиболее мобильная часть племени) вынуждены были покинуть территорию Семиречья. Выйдя к границам Греко-Бактрии, эта часть юэчжуйской орды потерпела очередное военное поражение от войск бактрийского царя Евкратиды и вынуждена была признать свой вассалитет по отношению к государству бактрийских греков. В это время асы князя Лецями успешно завершили переселение своего племени в Семиречье, включив в состав своей этнической системы оставшиеся здесь племенные кланы саков и юэчжи.

Во второй половине II в. до н.э. (145-130 гг.) асы подчиняют область государства Кангюй, где воцаряется асская по происхождению царствующая династия, а также регионы Согды и Хорезма. В этот же период объединенным асиано-юэчжуйским войском завоевывается Греко-Бактрия. Авангардные части иранской племенной коалиции входят в Северный Афганистан (Тиллятепе), активно участвуют в разного рода военных операциях на территории

Парфии. В ходе этой глобальной военной кампании формируется единая арийская идеология восточноиранских кочевников, гордо именовавших себя, вне зависимости от принадлежности к конкретному степному племени – *aryana (арийцы)* [Чочиев. 1996; Габуев. 1999. С.119 сл.; Лысенко. 2002а. С.269]. В скифо-сакской этнической среде это слово вскоре стало звучать как *alana-alan*, что позволило аским полководцам сплотить разноплеменный восточноиранский конгломерат в прочный этнополитический союз, который правомерно называть аланской конфедерацией.

Единые этносоциальные причины резкого усиления сармато-аланской суперэтнической общности закономерно приводят к схожим событиям в разных частях сармато-аланского этнополитического ареала. В западной части ареала окончательно уничтожается военная мощь скифов и принуждаются к даничеству греческие полисы Северного Причерноморья. В границах Азиатской, а затем и Европейской Сарматий абсолютно доминирующее военнополитическое положение приобретают роксоланы, которых уже с рубежа II-I вв. до н.э. следует рассматривать как субэтнос в составе единого аланского этноса. В центре сармато-аланской этносферы аланы около 70 г. до н.э. подчиняют своему политическому протекторату племена саков и массагетов, завоевывают и заселяют страну Яньцай в Мугоджарах, устанавливают новую границу с Парфией по северо-западным отрогам Копетдага и протоке Узбой. На востоке в 71-70 гг. до н.э. асиане Усуни наносят решительное поражение хуннам, после чего держава хуннов теряет свою ведущую роль на востоке Азиатской Скифии, а хуннуский этнос распадается на ряд остро конфликтующих друг с другом кочевых орд. Подобно роксоланам на западной стороне этнополитического ареала, асиане Усуни стали периферийным, но только восточным субэтносом аланской суперэтнической системы.

Возможность более широкого и эффективного применения на западе своих военных и организационных способностей, а также засилье китайского этнического элемента в Усуни способствовали постоянному, а с 55 г. до н.э. – все более массовому оттоку этногенетически активной части племени асов в центральные и западные части сармато-аланской этносферы. Это привело к существенному усилению военно-политического потенциала Кангюя, который, занимая центральное положение в границах сармато-аланского суперэтноса, к рубежу новой эры превратился в крупнейшую азиатскую кочевую империю. В этой связи представляет интерес предположение А.В. Симоненко о быстром, в течение одного-двух лет, перемещении какого-то иранского кочевого сообщества из восточных областей Центральной Азии в Сарматии (сам исследователь склонен видеть в этом сообществе усуньский или юэчжийский племенной клан) [2003. С.56-57]. Действительно, есть все основания полагать, что ближе ко второй половине I в. до н.э. на территорию Сарматии вторглось какое-то сильное в военном отношении племя (или его значительная часть), которое мы отождествляем с асами (усунями китайских источников). Исходная точка движения этого сообщества асов пока неясна, однако в любом случае это должны быть либо пределы кочевого владения Усунь, либо

главная аланская этнополитическая цитадель в Азии – Кангюй. В дальнейшем, как было показано выше, именно племенное сообщество асов (асиев-усуней) стало политическим ядром аланской конфедерации и структурообразующим стержнем аланского этноса.

Миграция этногенетически динамичной части социума на запад, а также негативные последствия внутриэтнической борьбы, резко усилившейся с разделом усуньской кочевой державы на два владения, привели к нарастанию кризисных явлений в этнической системе асиан Усуни. Усилению этой негативной тенденции способствовали китайские эмиссары Хань, методично засылаемые в восточную часть Азиатской Скифии, которые инициировали и всемерно поощряли процесс самоуничтожения асской политической элиты. Все это, вместе взятое, привело к утрате асской Усунью того лидирующего положения среди кочевых держав востока Центральной Азии, которое страна асиан/усуней по праву заняла после разгрома кочевой империи хуннов в 71-70 гг. до н.э.

Замедлившись на востоке суперэтнического ареала, этногенез аланов по-прежнему полнокровно развивался на западе. В 35 г. н.э. армия аланов (или, как полагаем мы, роксоланов) впервые вторглась через Дарьял в Закавказье, где разгромила армянские и парфянские войска. В 72 г. аланы Кангюя, пройдя по территории Гиркании, вторглись в Мидию и Армению. Была захвачена богатейшая добыча, а парфянская армия во всех крупных сражениях неизменно терпела поражение. Продолжая методичные военные рейды в Парфию, аланы дошли в 135 г. до Каппадокии. Приблизительно в этот же исторический период (I в. н.э.) роксоланы энергично штурмуют линию римских оборонительных укреплений по Дунаю, неоднократно вторгаются в пределы римской провинции Мезия. В 62 г. н.э. римскому легату Мезии Плавтию Сильвану пришлось столкнуться на поле битвы уже непосредственно с аланами [Лысенко. 2002б. С.111 сл.]. К концу I в. н.э. сармато-аланский суперэтнос в полной мере устанавливает свое военно-политическое господство в евразийских степях к западу от хребта Тарбагатай.

Как убедительно показывают недавние обобщающие исследования [Габуев. 1999; Цуциев. 1999; Туаллагов. 2001; Лысенко. 2002а], нет никаких объективных оснований к тому, чтобы рассматривать аланский этнос как некую этнополитическую скатерть, которую методично разворачивали на запад, но при этом почти синхронно сворачивали с востока. Комплексный анализ центральноазиатских археологических материалов и нарративных источников древнего Китая позволяет утверждать отнюдь не о кратковременном пребывании асов-аланов в Усуни, Кангюе или Яньцай, а напротив, о весьма длительном (не менее 4-5 столетий) сохранении аланского этнического массива на территории этих владений. Аналогичную картину устойчивого функционирования этноса мы наблюдаем и в западной части аланского этнического ареала.

Таким образом, рубеж I-II вв. н.э. следует, по-видимому, считать хронологической вехой завершения процесса формирования этничности в аланском кочевом сообществе. К этому же историческому времени приурочен

финал раннего периода аланского этногенеза и переход к новому – среднему периоду аланской истории.

§2. Языги на дунайском лимесе Рима в I-II вв. н.э. Сарматское присутствие на Нижнем Дунае в конце I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э. археологически подтверждает незначительная по количеству группа сарматских древностей, датируемая в пределах рубежа эр – первой половины I в. н.э. и расположенная с севера на юг от Верхнего до Нижнего Поднепровья (Островец-Вертеба, п.2; Ленковцы, п.2, к.3 Скаены-Безены; Старые Дубоссары, п.9, к.1) [Дзиговский. 2003. С.81]. Этническая интерпретация упомянутых сарматских погребений не вызывает разномыслие, все исследователи связывают их с языгами [Смишко. 1962. С.69; Гросу. 1990. С.38-42; Дзиговский. 2003. С.82].

В «Historia Augusta», источнике, хорошо осведомленном во всей сармато-аланской племенной номенклатуре, под «сарматами» во всех случаях нужно понимать именно языгов, поскольку последний этноним и термин «сарматы» никогда не употребляются здесь в разных смысловых аспектах.

Первое упоминание о вторжении сарматов в придунайские провинции Рима относится ко времени императора Тиберия (14-37 гг. н.э.), когда в провинцию Мезия вторглись даки и сарматы [Suet. Tib. 41]. По мнению некоторых специалистов, поселение сарматов-языгов на Дунае произошло с разрешения римского правительства, чтобы обезопасить территорию Римской империи от вторжения даков [Alföldi. 1939-1940. S. 80 u.folg; Мочу. 1954. S. 124 ff.; Fitz. 1963-1964. S. 80 u.folg]. Названные Птолемеем «переселенцами» [Ptol. Geogr. II. 5,1] языги-метанасты открыли путь миграции на восточные рубежи Империи другим сармато-аланским племенам Северного Причерноморья, в частности роксоланам. На севере их этнический ареал ограничивался предгорьями Карпат. На западе области языгов примыкали к Германии. На юге они занимали среднее течение Дуная, вплоть до устья р. Тибиск в Дакии (ныне р. Тимиш). В этом районе Птолемей расположил города (πόλεις) языгов-метанастов: Успен, Борман, Абикта, Трисс, Парка, Кандан, Пессий, Партиска.

С историко-этнологической точки зрения, означенная разница во взглядах исследователей на хронологический рубеж первой миграции языгов на запад в тридцать лет (между 20-ми и 40-ми годами I в. н.э.), хотя и заметна, однако не меняет этнополитической сущности прибытия языгов в Альфёльд. И в случае гипотетического приглашения народа языгов Римской империей, и в случае достоверно известного приглашения конницы языгов царем Ваннием международная стратегическая роль этих арийских кочевников все та же: это сарматский военно-политический заслон на пути перемещения агрессивных фракийских и германских племен к берегам Дуная. С обретением этой важнейшей геополитической роли сарматы-языги становятся существенным элементом геополитического баланса сил в Европе и, как следствие, выходят из тени Истории, в которой они находились, невзирая на какое-то участие в политических эпопеях Митридата Евпатора и царя даков Бурбесты.

В конце I в. н.э. межэтнические взаимоотношения римлян с сарматами-языгами, прежде дружественные и союзнические, впервые перешли в поле

открытого вооруженного конфликта. Непосредственной причиной этого стали грубые просчеты внешнеполитического кабинета Домициана [Jord. Get. 76]. Можно предположить, что языги вступили в борьбу с Римом прежде всего как давние союзники квадов. Военный вклад языгов в успешные боевые действия варварской коалиции оказался очень весомым: в борьбе с ними погиб, вместе с легатом, один из лучших легионов Империи – XXI Хищный легион, прибывший в Паннонию с Рейна [Suet. Dom. 6; Tac. Agr. 41; Eutrop. VII. 23].

Эпоха Маркоманнских войн завершает по существу событийную канву сарматской военно-политической истории на дунайском лимесе Рима во II в. н.э. Маркоманнские войны убедительно продемонстрировали, что Римская Империя уже исчерпала свой наступательный потенциал. Невзирая на формальную победу римлян в этой четырнадцатилетней войне, варварские племена в геополитическом смысле ни на йоту не отошли от линии Дуная. Языги, например, продолжали полностью контролировать левый берег Дуная от Аквинка до Виминация вплоть до III в., когда сюда переселились роксоланы. Мирный договор Марка Аврелия не ликвидировал потенциальной военной угрозы ни со стороны германских племен, ни со стороны сармато-аланов. Арийская кочевническая составляющая в общем потоке варварских племен, вплотную подступивших к границам Империи, в результате Маркоманнских войн только усилилась. Аланы названы в числе народов, нападавших на Империю во время Маркоманнских войн [SHA: Marci XVII. 3; XXII.1; Eutrop. VIII. 3; Oros. VII. 15. 8]. Во II-III вв. сарматская угроза представлялась вполне реальной для лимеса Нижней Паннонии и Верхней Мезии, что позднее нашло отражение в названии этого участка границы – *gira Sarmatica*. На этом рубеже римляне часто воевали с сарматами (языгами) или с другими племенами арийских (восточноиранских) кочевников, поименованными как «сарматы» [SHA: Trig. tur. IX.1; X.2; XXXIII.1]. Не возникает сомнений, что само название – *gira Sarmatica* – исторически возникло в качестве указателя на главное направление фронта набегов на Средний Дунай восточноиранских кочевых племен Европейской Сарматии [Колосовская. 2000. С.143].

§3. Римская Империя и ранние аланские племена I-II вв. н.э. Вплоть до конца II в. н.э. собственно аланы не предпринимали значительных военно-политических акций, могущих вызвать беспокойство в Риме. Политически контролируя весь благодатный степной пояс Северного Причерноморья, асы-аланы пользовались плодами долговременного мира на этой территории и не имели, по-видимому, сколько-нибудь жизненноважных мотиваций для развязывания вооруженного конфликта с Римом. Если считать, что азиатские аланы (асы-аланы) впервые вышли на берега Дуная в 62 г. н.э. (а именно эту версию мы попытались обосновать выше), то отсутствие их военно-политической активности в западном направлении вплоть до 170 г. н.э. (поход вместе с костобоками на Грецию) может только удивлять. Действительно, трудно представить причину, по которой возможно самый мобильный и в военном аспекте наиболее организованный народ Востока на протяжении

целого столетия сохранял похвальное миролюбие в отношении богатого дунайского подбрюшья Римской Империи?!

Размышляя над этой проблемой, невольно приходишь к выводу, что единственной осязаемой причиной свертывания аланами военной экспансии в западном направлении являлся роксоланский пограничный заслон по Дунаю, который аланы при обычных обстоятельствах не могли (или не хотели?) преодолевать. В свое время Клозе высказал очень верную мысль о том, что договор о клиентских отношениях с роксоланами, заключенный при Траяне, оказался чрезвычайно выгоден для Рима [Klose. 1934. S. 127-129]. Договор обязывал Рим ежегодно выплачивать определенные денежные субсидии царю роксоланов. Со своей стороны роксоланы должны были надежно прикрывать границы римской провинции Дакия с востока (вероятнее всего по береговой линии Днестра).

Этот договор Траяна обеспечил многолетнюю лояльность роксоланов по отношению к Риму, а вместе с ней и относительное спокойствие дакийских рубежей. Роксоланы, вплоть до периода Маркоманнских войн, не подвергали сомнению целесообразность клиентских отношений с Римской Империей. Все их вооруженные волнения до 165 г. н.э., отмеченные в античных источниках, связаны либо с уменьшением размера денежных выплат, либо с их существенной задержкой. Если исходить из представления о субэтничности роксоланов по отношению к собственно аланам (асам-аланам), то тогда становится понятным: почему аланы до эпохи Маркоманнских войн не проявляли ни малейшего стремления распространить зону своей военной экспансии в западном направлении. Аланы не могли идти в военный поход против Рима по землям своих собратьев, тем паче, что последние не могли поддерживать идею этого похода, более того, – имели существенные материальные выгоды от того, чтобы подобные походы не проводились вовсе.

Эта геополитическая ситуация подверглась решительной ревизии с началом первого периода Маркоманнских войн. Система «клиентских государств» по восточному порубежью Римской Империи рассыпалась в прах. В водовороте начавшегося германского наступления, при очевидной слабости военного потенциала Рима для роксолан стало весьма трудно, да и нежелательно поддерживать с римлянами прежний уровень союзнических отношений. Итогом начавшейся «переоценки ценностей» стало активное участие роксоланов в главных событиях Маркоманнских войн уже не в качестве союзников, но в качестве противников римлян. Роксоланский заслон на востоке Дакии был снят и аланы, совместно с костобоками, роксоланами, бастарнами и певкинами, совершили в 170-171 гг. самый грандиозный военный рейд за всю почти пятнадцатилетнюю эпоху Маркоманнских войн.

Массированный прорыв дунайского лимеса костобоками, аланами, роксоланами, бастарнами и певкинами является несомненно одним из наиболее масштабных военно-политических событий периода Маркоманнских войн. Для аланов этот поход на Грецию, с форсированием Дуная, с оккупацией Мезии, Фракии и Македонии, с сокрушением всех римских военных заслонов

стал знаменательным и, одновременно, – завершающим событием раннего периода аланской военно-политической истории.

Начало следующего этапа – среднего периода аланской истории – приходится на рубеж II-III вв. В эту историческую эпоху аланы по-прежнему распространяют зону своей военной экспансии на регион Закавказья и северо-восточные области Передней Азии. В III-IV вв. аланы неоднократно вторгаются в дунайские и азиатские провинции Римской Империи. Роль посредника, сохранявшего баланс сил между аланами и угасающим Римом, в Северном Причерноморье выполняло Боспорское царство. Значительная часть его населения имела сармато-аланское происхождение. Однако главным содержанием среднего периода аланской истории становятся все же не эти события, а этнополитическое взаимодействие (подчас и ожесточенная борьба) аланов с конфедерацией готских племен и нашествием гуннов.

Заключение. По очень точному определению замечательного отечественного историка С.Л. Утченко – «исторический факт есть всегда факт интерпретированный». Исследователь выделял три главных условия концептуального осмысления (интерпретации) факта, т.е. перевода факта из состояния обезличенной или внеконцептуальной информационной единицы в факт исторический. Первое условие: зафиксированность и сохраненность факта. Второе: осмысленность отображения фактов как критерий их отбора. И, наконец, третье условие: введение факта в контекст. С.Л. Утченко писал: «Я убежден, что факт становится «историческим» лишь при условии рассмотрения его в некоем развитии, то есть в сопоставлении, зависимостях, связях с другими фактами – прошлыми и будущими, реальными и гипотетическими – или, иными словами, в контексте. Вне контекста нет ни исторического факта, ни самой истории» [Утченко. 1998. С.9].

Приходится сожалеть, что этот замечательный концептуальный принцип, сформулированный выдающимся отечественным антиковедом еще в конце 60-х годов, лишь с огромным трудом прокладывает себе дорогу в современное алановедение.

Правомерен вопрос: в каком контексте историки-алановеды должны рассматривать весьма значительное число источниковых и археологических свидетельств об аланах, чтобы получить искомое – внятную, непротиворечивую, «историческую» историю аланского народа? Автор диссертации убежден: единственным таким контекстом в аланской историографии, способным помочь исследователю интерпретировать просто факты в факты исторические, может служить только теория этноса. В сущности именно этот принцип положен в основу настоящего диссертационного исследования. Длительное время сармато-аланы изучались либо как некое собрание разрозненных археологических культур, либо как информационный повод для источниковедческого анализа того или иного письменного источника. Логичным следствием такого концептуального подхода стало представление о ранних аланах как о неких броуновских частицах, хаотично перемещающихся по степи, генетически разнородных, а подчас и откровенно

антагонистичных друг другу. Разумеется, такое представление разделяется не всеми исследователями, но оно достаточно сильно укоренено и сегодня пока еще является доминирующим.

В настоящем диссертационном исследовании автор попытался показать, что подобные взгляды противоречат подавляющему большинству исторических фактов об аланах, т.е. всем тем фактам, которые интерпретированы с учетом представления об этничности ранних аланов.

Следует отметить, что некоторое время назад в подобном же положении находились историки, занимающиеся проблемой готов. И если сегодня историческое изучение готских племен переживает подлинный расцвет, то в этом безусловно «повинно» решительное изменение главного концептуального принципа изучения: готы стали рассматриваться не как некое собрание неких племен, а как складывающийся и закономерно трансформирующийся этнос. Известный ученый, давно и плодотворно исследующий готскую проблему, В.П. Буданова на конкретном примере показывает все преимущества историографии на основе теории этноса: «... Представление о предположительных районах размещения готов в III-IV вв. возможно составить лишь с учетом динамики этнического развития этих племен. И в то же время основные этапы этногенеза готов, как и формирование различных этнополитических общностей, отчетливо видны в конкретных событиях политической истории» [1999. С.193].

Ранние аланские племена, выходявшие в I в. н.э. к волнам Дуная или направлявшиеся с берегов Каспия в дальние военные рейды в Парфию, конечно не являлись некими внеисторическими, осколочными и гетерогенными сообществами. Они были культурологически и генетически единым ответвлением от сармато-аланского целого – западной оконечностью огромного суперэтнического мегалита. Центр этого мегалита находился в Восточном Приаралье, в аланской кочевой империи Кангюй. Далее на восток от границ Кангюя лежала Усунь – страна асов (асиан), рубежи которой замыкали с востока существующий сармато-аланский этнополитический ареал.

Единые этносоциальные причины резкого усиления сармато-аланской суперэтнической общности закономерно привели к схожим историческим событиям в разных частях этого ареала. В западной части ареала была окончательно уничтожена военная мощь скифов и принуждены к данничеству греческие полисы Северного Причерноморья. Значительная роль в финальном крушении государственной системы Великой Скифии несомненно принадлежала сарматскому племени языгов. Политическое господство языгов в степях к западу от Днепра продолжалось до рубежа – середины I в. н.э., когда постепенное этническое давление роксолан заставило языгов перейти через перевалы Северо-Восточных Карпат на Тисскую равнину. В границах Азиатской, а затем и Европейской Сарматий абсолютно доминирующее военно-политическое значение приобрели роксоланы, которых уже с рубежа II-I вв. до н.э. следует рассматривать как субэтнос в составе единого аланского этноса. В центре сармато-аланской этносферы аланы около 70 г. до н.э. распро-

странили свой политический протекторат на племена саков и массагетов, завоевали и заселили страну Яньцай в Мугоджарах, установили новую границу с Парфией по северо-западным отрогам Копетдага и протоке Узбой. На востоке в 71-70 гг. до н.э. асы Усуни нанесли решительное поражение хуннам, после чего держава хуннов стала терять свою ведущую роль на востоке Азиатской Скифии, а хуннуский этнос распался на ряд остро конфликтующих друг с другом кочевых орд. Подобно роксоланам на западной стороне этнополитического ареала, асы Усуни стали периферийным, но только восточным субэтносом аланской суперэтнической системы.

Таким образом, к концу I века н.э. в евразийских степях в основных чертах оказалось сформированным единое в генетико-культурном аспекте сармато-аланское этническое пространство. В последующую историческую эпоху – в конце среднего периода аланской этнической истории (рубеж IV-V вв.) – под влиянием различных условий географической среды, разного иноэтнического окружения, несхожести внешних политических факторов это этническое пространство стало постепенно трансформироваться в мозаичную целостность. Вместе с тем, можно уверенно утверждать, что сармато-аланское этническое пространство (этносфера) в целом продемонстрировало уникальную устойчивость. Это замечательное качество сармато-аланской этносферы во многом объясняется особым кодексом воинской чести мужской части социума, глубочайшими культурными традициями, но главное – весьма развитыми религиозной и социально-философской системами восточноиранских кочевников. Именно эти факторы обеспечили исключительно долгую историческую жизнь сармато-аланского феномена, который до конца не смогли разрушить даже чудовищные этнополитические катастрофы XIII-XIV вв. Тотальный разгром монголами Чингисхана и армией Тимура всей государственной системы Алании привел к неизбежной трансформации степняков-аланов в горцев-осетин, но не смог уничтожить могучий религиозно-философский базис древнеарийского мироощущения.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

Монографии:

1. *Лысенко Н.Н.* Асы-аланы в Восточной Скифии. (Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно-политических событий IV в. до н.э. – I в. н.э. по материалам археологии и сведениям нарративных источников). СПб., 2002. 541с. (32 п.л.).
2. *Лысенко Н.Н.* Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. – II в. н.э. СПб., 2007. 647 с. (41,5 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах:

3. *Лысенко Н.Н.* Ранние аланы: проблема этничности и этапы этногенеза. //Научная мысль Кавказа. 2006. № 2. С.73–83. (1 п.л.).
4. *Лысенко Н.Н.* Ранние аланы в контексте теории этноса. //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки (приложение). 2006. № 4. С.32–45. (1 п.л.).
5. *Лысенко Н.Н.* Поход аланского царя Базука в 114–115гг. н.э. в Закавказье: участники, маршрут, международная военно-политическая обстановка. //Научная мысль Кавказа. 2006. № 5. С.28–37. (0,6 п.л.).
6. *Лысенко Н.Н.* Буферное государство языгов на Нижнем Дунае в первой четверти I в. н.э. //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «История. Филология». 2006. С.32–38. (0,5 п.л.).
7. *Лысенко Н.Н.* К вопросу о роли сарматов-языгов в Маркоманнских войнах. //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «История. Филология». 2006. С.39–47. (0,7 п.л.).

Статьи и публикации:

8. *Лысенко Н.Н.* Асы и тохары (к вопросу об участии юэчжи в раннем этногенезе алан). //Вишняковские чтения. Материалы научно-практической конференции. Т.VI. СПб. - Бокситогорск, 2000. (0,3 п.л.).
9. *Лысенко Н.Н.* Историческая прародина алан (некоторые аспекты изучения раннего этногенеза алан). Вводная лекция спецкурса. СПб., 2000. (2 п.л.).
10. *Лысенко Н.Н.* О местонахождении Яньцай и Кангюя (к вопросу о маршруте движения аланской орды к границам Европы). //Вишняковские чтения. Материалы научно-практической конференции. Т.VI. СПб. - Бокситогорск, 2000. (0,4 п.л.).

11. *Лысенко Н.Н.* Об этнонимах «ас» и «алан» (вопросы происхождения и смысловой интерпретации). V Царскосельские чтения. Материалы научно-практической конференции. Т. I. СПб., 2001. (0,4 п.л.).
12. *Лысенко Н.Н.* Аланский поход Нерона. //Нижеволжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С.95–116. (1,3 п.л.).
13. *Лысенко Н.Н.* Сираки: проблема этнического происхождения. //Донская археология. Вып. 1-2. Ростов-на-Дону, 2002. С.6–16. (0,9 п.л.).
14. *Лысенко Н.Н.* Роксоланы царя Гатала и ревксиналы царя Тасия (к вопросу о военно-политических союзах сарматских племен во II в. до н.э.) //Древности Кубани. Вып.19. Краснодар, 2003. (0,4 п.л.).
15. *Лысенко Н.Н.* Религиозно-идеологические мотивации древних алан. //Религия в современном обществе. Сборник докладов науч. конф. Владикавказ, 2003. С.7–16. (0,5 п.л.).
16. *Лысенко Н.Н.* Проблема скифо-сарматских этнических взаимоотношений в эпоху исторического заката Великой Скифии. //Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Резюме докладов XI междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2003. С.30. (0,1 п.л.).
17. *Лысенко Н.Н.* Саи царя Сайтафарна и сарматы царские (вновь о проблеме сарматской военной экспансии на территорию Великой Скифии). //Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар, 2003. (0,4 п.л.).
18. *Лысенко Н.Н.* Роксоланы и аорсы: о проблеме этногенеза и военно-политического статуса раннесарматских племен II в. до н.э. – I в. н.э. //Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002г. Вып. 19. Азов, 2004. С. 209 – 229. (1 п.л.).
19. *Лысенко Н.Н.* Термин «сармато-аланы»: этнологическая целесообразность нового таксономического понятия. //Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тезисы докладов I Международной Нижневолжской археологической конференции. Волгоград, 2004. С. 227 – 231. (0,2 п.л.).
20. *Лысенко Н.Н.* Аланские походы 132–135 гг. в Закавказье и Парфию (к геополитическому положению сармато-аланов Волго-Донского междуречья во II в. н.э.). //Историко-филологический архив. Вып.4. Владикавказ, 2005. С.54–63. (0,9 п.л.).
21. *Лысенко Н.Н.* Роксоланы царства Гатала и Диофантовы войны: к вопросу об этнической принадлежности ревксиналов декрета в честь Диофанта. //Археологические записки. Вып.4. Ростов-на-Дону, 2005. С. 73–79. (0,4 п.л.).
22. *Лысенко Н.Н.* Языги на дунайском лимесе Рима в I–II вв. н.э. //Нижеволжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2006. (1,3 п.л.) (В печати).

Подписано в печать 19.02.2007г.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Усл. - печ.л. – 3. Тираж 150 экземпляров.
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат
ВИНИТИ». 140010 г. Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр-т, 403.